

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ЛЮДИ И RES PUBLICA

Взгляд на польское общество

В АДУ УТОПИЙ

Гуманные ценности и тоталитарные цели

ДАЙТЕ ЧЕЛОВЕКУ ИЗМЕНЯТЬСЯ

Мнение Бориса Пастернака

ISSN 0320 8001

5/89

EXLIBRIS

ARP

Holskamp &

В НОМЕРЕ:

Почта

«Уважаемая редакция...»

2

Трибуна публициста

**А. НУЙКИН. КУДА ВЕДУТ «НАКАТАННЫЕ
РЕЛЬСЫ»**

14

Проблемы и суждения

**Б. КУРАШВИЛИ. ПЕРСПЕКТИВА СОВЕТСКОГО
СОЦИАЛИЗМА**

18

Л. САРАСКИНА. ВСЕ ЭТО УЖЕ БЫЛО...

24

Наши публикации

Б. ПАСТЕРНАК. ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК

31

Эссе

**Г. КРЫЛОВ. ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛО-
ВЕКА**

34

Из путевого блокнота

А. ФАДИН. ПОЛЬСКИЙ КОЛЛАЖ

40

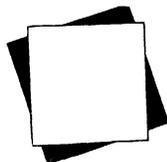
Досье «Вена»

**ПОД ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ
К ГРАЖДАНСКОМУ МИРУ**

47

*На второй странице обложки — экслибрис
Александра ПОЛЬСКИХ (из собрания В. Б. Пантелеева,
г. Горький).*

*На третьей странице обложки — рисунок
Игоря СМИРНОВА (г. Москва) из серии «Все о Дон
Кихоте».*

«Уважаемая редакция...»

Вероятно, в те дни, когда этот выпуск журнала доберется до своих читателей, их внимание будет приковано к работе новоизбранного высшего органа законодательной власти СССР. Вероятно, мы получим возможность читать (и слушать, видеть?) выступления народных депутатов. Интересно будет сравнить их тематику и тональность с нашей почтой...

Давайте жить подробней!

Я уже не помню, кто из писателей рассказывал, как гулял с Л. Толстым по саду и тот убил у себя на щеке комара. Рассказчик спросил: «А как же, Лев Николаевич, с непротивлением злу?» Толстой ответил лишь на следующий день: «Нельзя жить подробно».

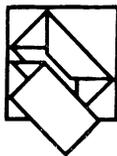
Нельзя подробно? Но уж мы так непознательно научились жить, что вообще перестали различать детали. Давайте посмотрим на слова. **Перестройка**. У нас же все за перестройку! Все, все считают, что наш общий дом нуждается в перестройке, только одни хотят сделать его чище, светлее, просторнее, другие — толщину стен увеличить втрое да решетки в окна вмонтировать, чтоб извне ни один комар не проник. А третьи хотят все разрушить до основания. А затем решить, как быть дальше. Главное для таких — «нулевой цикл». Не зря Платонов роман свой и назвал «Котлован». Но ведь эти три точки зрения никак объединить невозможно. Что же делать? Отвечают — ориентируйтесь на социализм, на интересы социализма!

Л. С. Сенгор был великим лирическим поэтом Африки и, кстати, президентом Сенегала. Он объявил, что в стране будет строиться «лирический социализм». Что это — неясно, но, похоже, коммунистам при этом было не до лирики.

А король Хасан II, повелев, чтобы из Марокко убрались иностранный капитал, объяснил это тем,

На стр. 2 и 3 рисунки Игоря СМЕРНОВА.

что, мол, в стране будет строиться «марокканский социализм» под его личным королевским руководством.

А идея национал-социализма, во имя которой не германский только народ, а вся Европа, весь мир был втянут в бойню? Если мы не поймем, что в этом сочетании делает слово «социализм», то не поймем и существа, сути той идеологической ниши, которую занимает наше общество «Память». А не поняв, не сможем и бороться за души тех политически безграмотных или дезориентированных людей, которых оно зовет за собой. «Простых людей» — вроде тех, что в свое время пошли за Гитлером и наци.

Пожалуй, сегодня настолько поразному люди (причем совершенно искренне!) понимают слово «социализм», что не получится у нас набрать бригаду специалистов-социалистов, раздать им выверенные «социализмометры», чтоб они определили, что соответствует, а что не соответствует.

А ведь мы, когда закладываем в закон о печати «только в интересах социализма», конструируем такую «социализмометр». Когда в начале 80-х имам Хомейни обратился по радио к народу: «Граждане Ирана, выполняйте распоряжения вашего президента, если они не противоречат Корану». А Банисадр (бывший тогда президентом) заявил, что этим отменяется законность. Ибо кто же будет судить, «противоречат» или «не противоречат»? Оказывается, хранители веры — имамы — будут по поводу распоряжений президента консультироваться прямо с аллахом.

А наши законники с кем будут советоваться, противоречит или не противоречит статья, действие, митинг и прочее интересам социализма? С начальством? С Марксом?

Еще любимое слово. **Гласность**. Французский перевод «прозрачность» нам не нравится. В Ленин-

градском доме писателей мне довелось услышать, как одна писательница с восхищением говорит о гражданском мужестве собрата по перу, лауреата, депутата Верховного Совета, которому вроде и бояться нечего. Оказывается, известный писатель предложил помещать в местных газетах сведения о состоянии воды и воздуха рядом со сведениями о погоде!

Какой смысл вкладываем мы в слово «гласность», если не можем сказать в конкретных случаях, кто принимает решения, даже не только рассчитывая на открытость процесса их принятия, на открытое обсуждение альтернатив. А уж говорить (тише! тише!..) о недоверии, о смене руководства, принявшего непопулярное решение..? Что вы, у нас же все коллегиально... Мы под гласностью понимаем чаще всего возможность почитать в газете о безобразиях и преступлениях уже

снятых начальников. Так этого, что ли нам не хватало?

Демократия. Упрекая друг друга в отсутствии приверженности к демократии, мы требуем, чтобы в собрании, о чем бы ни зашла речь, слово получил каждый, если не из тысячи присутствующих, то хотя бы из ста пятидесяти желающих. И каждая газета чтобы помещала все точки зрения — кто только ни пожелай высказаться!

Да не обязаны это делать ни организаторы митинга, ни издатели газеты! У них своя точка зрения, и еще как агитируют за свое. Другие должны иметь возможность агитировать за другое. И как говорил А. Н. Радищев: «Настрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика». Но для этого надо, чтобы желающие получили место для собраний, печатный станок, бумагу и множительную технику не с согласия советских «имамов», а на основе регистрационного права, заявив о намерении (не противоречащем Закону).

Еще в XVIII веке Ш. Монтескье, для определения истинного отношения лидера к свободе, предложил тест — что этот человек предпочитает: стать во главе свободных людей или управлять рабами? Ответьте же, товарищи «наверху», на вопрос Монтескье — зачем понадобилось вводить законом непрямое, неравное избирательное право, предусматривая заранее безусловную квоту в высшем органе власти для «передового отряда нашего общества, наиболее полно выражающего интересы всех»?

Для меня, коммуниста, руководящая роль партии — это моя обязанность перед другими, а не обязанность других передо мной. Это не привилегия! Зачем же тогда закреплять роль КПСС в Конституции?

Партия. Уже и надоедать стал на дискуссиях, собраниях и митингах вопрос о многопартийности. Вводить? Разрешать — не разрешать? Жить дальше, «не беря в голову», раз так уж «исторически сложилось?» Запрещать об этом говорить вслух?

Не стоит нам, наверное, как священную корову воспринимать резолюцию X съезда «О единстве партии», превращенную Сталиным в меч, которым он крушил ленинскую гвардию, а потом казнил коммунистов в количестве, которое фашистам и не снилось. Ведь члены одной и той же партии — это Шатров и Гельман, это Шеховцов и Андреева, а до недавнего времени — Чурбанов с Рашидовым. И у каждого тысячи сторонников и единомышленников!.. Как их объединить? Чем? И, главное, — для чего?

Необратимость перестройки — не гарантия. Мне представляется, что необратимой является только смерть. А живое придется защищать. И перестройку тоже. Ведь, когда мы скажем: всё, перестройка победила! — это будет означать новый виток застоя.

Нельзя этого допустить. Нам нужна точность, ответственность и действий, и слов. Давайте, как говорят физики, договоримся о терминах. Давайте жить подробнее.

Владимир РАММ,
г. Ленинград.

Пора подумать вместе

С огромным уважением отношусь ко всем авторам бюллетеня. Именно им обязана дальнейшему формированию взгляда на прошлое и современное. Впрочем, это не столь формирование, сколько небольшая

корректировка убеждений, совпадающих с убеждениями авторов «Века». И все же, размышляя над прошлым нашей страны как фундаменте ее сегодняшнего состояния, авторы то ли не могут, то ли не

решаются делать обобщения и выводы. Плюрализм мнений не формируется в реальные предложения, а следовательно, остается лишь компонентом, скажем, для торта, но не им самим. Все как бы ходят вокруг проблем, хорошо их знают, но лишь рассуждают, а не предлагают решений.

Я много лет была пропагандистом, лектором, каковым являюсь и теперь, и все чаще слышу вопрос из аудитории: «Есть ли теория создания нового общества?» Теории нет. В печати блуждают попытки новой интерпретации социализма, но они столь расплывчаты и беспочвенны в смысле научной теории, что вызывают больше беспокойства за будущее страны, да и мира в целом, чем уверенность в завтрашнем дне.

Мне думается, настало время подвести итоги развития мира в послеоктябрьский период. Теперь это стало возможно. Во всяком случае, после заявления Горбачева о свободе выбора, свободе каждого народа решать свою судьбу, воспринятого миром как переход от конфронтации к компромиссам.

Говоря о подведении итогов развития мира в текущем столетии, хотелось бы услышать не одностороннее мнение, а мнение **всего мира и обо всем мире**. Привести цифры, сравнения. Увидеть, чего добился за этот период капитализм, чем хорошим может похвастаться мировой социализм. Я очень хотела бы быть правильно понятой. Я ратую за такой всемирный форум вовсе не для того, чтобы еще раз показать несомненные успехи капитализма в период после второй мировой войны. Они были бы невозможны без нашего Октября, всколыхнувшего весь неимущий мир на борьбу за свое благополучие. Этой борьбы, к сожалению, мы не сумели показать своему народу. И многие, увидев, наконец, капитализм не только с негативной стороны, стали думать, что он щедр и гуманен. Именно потому, что увидели лишь итог этой тяжелой борь-

бы трудящихся стран, которые теперь именуются развитыми и козыряют перед остальным миром своими достижениями.

Думаю, что такой форум целесообразнее всего провести в рамках и по инициативе ООН. С докладом об итогах развития мира должен выступить Генеральный секретарь ООН, а подготовить доклад должна специальная группа ученых мира, утвержденная этим органом на очередной сессии.

Проведение подобной конференции в рамках ООН могло бы положить начало новой роли ООН в решении мировых проблем. Уже теперь становится очевидной необходимость решения через ООН не только проблем сохранения мира, но и прав человека, экологии, космоса. Придет время, когда перенаселенность в ряде стран заставит ООН выносить на повестку дня вопросы демографии и территориального деления мира. Я совершенно не сомневаюсь в том, что уже в ближайшем будущем именно в ООН будут решаться вопросы о строительстве сооружений, которые оказывают влияние на всю планету, скажем — электростанции, химзаводы, вырубка лесов, запуск космических кораблей, поворот рек и т. д.

Сегодня мы говорим о прогрессе, достигнутом в области международных отношений. Очевидно, что этот прогресс относительный. Одной рукой лидеры стран подписывают соглашения о сокращении существующих вооружений, другой — документы о производстве новых ядерных взрывов в целях совершенствования военной техники. А теперь уже новое направление в этом плане — искать и разрабатывать перспективные технологии войн, чтобы было дешевле и наверняка. Такие позиции не обеспечивают доверия народов друг к другу. И этот факт не может не заботить мировое сообщество. Он должен быть также включен в сферу обсуждения предлагаемой конференции.

На подготовку такой конференции понадобится длительное время. Наверное, не менее года. А может быть, даже больше. Что ж, народы могут подождать. Однако есть другой вопрос, который, на мой взгляд, не терпит отлагательств, — вопрос об итогах и путях дальнейшего развития мира социализма. Это крайне важно. Главы государств и различных ведомств стран социализма встречаются довольно часто по различным частным вопросам, однако, дела идут не у всех гладко. И даже столь негладко, что в большинстве стран назрела необходимость перестройки. Что это, субъективизм или закономерность? Сейчас многие задаются этим вопросом, но не слышат ответа. А ответ должен быть. Без него не может быть правильного пути дальнейшего развития. Ведь мы перестраиваем не дом, а живой организм — общество. Мы режем по живому. И это живое стонет и сопротивляется и не всегда уверено, что эта хирургическая операция обернется здоровьем, благополучием. Оно не уверено ни в мудрости эскулапов, ни в их искренности.

Время для проверки работы всех

принятых теорий социализма на практике было достаточно. Полученного опыта — вполне. Шишек набито — богато. Так не пора ли ученым соцстран собраться вместе, чтобы подвести итоги развития социалистического мира, выработать новые теории и принять их к практическому претворению. **Иными словами, подвести теорию под перестройку.** Дать людям уверенность в том, что они вынуждены делать. Эта конференция обобщит опыт развития социалистических стран, обогатит этим опытом все страны социалистического содружества, найдет более рациональные пути взаимосвязей с несоциалистическим миром.

Думаю, что было бы целесообразно во всех соцстранах провести всенародные референдумы на эту тему. Пусть люди всех социальных групп выскажут на страницах печати свое мнение о модели будущего общества. Предлагаемая конференция ученых подведет итоги этого обсуждения и оформит их в общем теоретическом труде.

Мargarита МЕЛЬНИЧУК,
г. Ангрэн Ташкентской обл.

Крым : будем загорать у реактора ?

Много лет общественность, писатели, ученые Крыма пытаются остановить строительство Крымской АЭС. Основания: перечеркнут декрет В. И. Ленина 1920 года о превращении Крыма во всесоюзную здравницу; сейсмичность 9 баллов; подпочвенные воды до одного метра; разлом от 9-балльных землетрясений; под площадкой АЭС грязевой вулкан, в Азовском море с 13 августа по 7 сентября 1988 года образовались два грязевых острова в 60 километрах от АЭС; в районе АЭС были наводнения и

метеорологические цунами, которые сносили селения, уносили сотни человеческих жизней; в десяти километрах от АЭС — инверсия воздушных масс.

О качестве стройки можно судить по тому, что за эти годы сменилось семь начальников строительства. Сейсмическая активность в зоне строительства АЭС возрастает. Мною собраны коллективные письма ученых, специалистов, общественных организаций, научно-исследовательских институтов, ветеранов войны, воинов-интернационалистов

и просто жителей Крыма, под которыми одиннадцать тысяч подписей с требованием остановить строительство АЭС.

«АЭС в Крыму — это безумие!» «Нет — атому, нет — химии в здравнице!», «Неужели период застоя продолжается?», «Где лечиться людям, если не будет Крыма?!», «Крым — в Красную книгу!» — так пишут тысячи людей. Они возмущены, как мог Облисполком разрешить строить здесь атомную станцию, и просят войти с ходатайством в высшие партийные и государственные органы с требованием остановить стройку. Но председатель Крымского облисполкома А. Рошупкин поддерживает строительство АЭС. Стройку назвали «комсомольской». Пока Совет Министров СССР собирается решить судьбу АЭС, ее строят в три смены, без огласки завезли реактор, монтируют котел. Хотелось бы знать, почему не считаются с мнением народа, где же гласность?

Мыс Казантип и АЭС сидят на тектонической бомбе. Последствия от нее будут тяжелее сейсмических. От последних мы еще как-то можем защититься, истратив миллиарды рублей, а от бомбы — нет. Проблема эта приобрела особую актуальность после землетрясения в Армении.

Вкус крови

Недавно мне пришлось стать свидетелем и участником нескольких разговоров. По телевизору показывали детей-уродов. На следующий день, обсуждая этот сюжет, бабоньки-работницы удивлялись: «Почему же их не уничтожают? Пользы от них никакой, а государству убыток — корми их!»

В Армении забастовка. Мужики на автобусной остановке: «Чего не пересажать половину — мигом бы успокоились!»

АЭС — это почти город, который нужно создать, а через 25—30 лет — хоронить. За это время будут выбросы радиации на землю и, при захоронении, в воду, то есть останется мертвая зона на 100 тысяч лет.

Если Минатомэнерго думает перестраиваться, то не пора ли поучиться за рубежом, как снизить потери электроэнергии при передаче с 12,5 процента до 6 процентов и тратить энергии на одну и ту же продукцию в 2,4 раза меньше. Тогда нам не понадобятся АЭС и можно будет переходить на чистые источники энергии (ветра, например, или солнца). Крым мог бы снабжать этой энергией несколько областей.

Пока современные ученые не научились не только управлять стихией, но даже предсказывать землетрясения, наводнения, извержения вулканов, строительство АЭС в Крыму — это преступление и грозит непредсказуемой катастрофой.

Прошу, помогите остановить строительство Крымской АЭС, предотвратить катастрофу, еще никто на вулкане не строил! Остановите безумие бюрократов!

Лилия ЛЕВЧЕНКО,
член Совета Крымской ассоциации
«Экология и мир»,
г. Саки Крымской области.

«А что Чурбанова не расстреляют? Жаль, надо бы всех к стенке!»

Не стоит кивать на то, что страсть к насилию — исключительно результат пропаганды. Пропаганда оказывается абсолютно бесильной в борьбе за трудовую дисциплину, за «трезвый быт», ей почему-то неподвластны самогонщики и потребители самогона, «несуны» и скупщики ворованного. Но стоит только кликнуть погромче: «Бей их!» (все равно кого — бед-

ных или богатых, евреев или армян, начальников или кооператоров, хиппи или проституток) — как сей призыв находит самый благодатный отклик в сердцах.

Когда массами овладевает страсть к насилию — оно совершается. Конечно, всегда находятся те, кто греет на этом руки. Когда горит дом, воры пользуются пожаром, но не всякий раз они являются поджигателями, и уж точно не они виноваты в пожароопасности горящего объекта.

Исходя из сказанного, новейшую историю несколько утрированно и очень упрощенно можно представить так.

Во втором десятилетии XX века широкими массами Европы овладела страсть к насилию. Власть имущие оказались не лучше (но и не хуже!) «людей с улицы». И ничто человеческое им не было чуждо. Началась первая мировая война, встреченная во всех воюющих странах с огромным энтузиазмом. Опозиция объединилась с властью. По улицам катились митинги и манифестации — «Мы им зададим!» Однако через некоторое время выяснилось, что на войне можно не только убивать и калечить, но и самому оказаться убитым и искалеченным.

Англичане и французы сделали свои выводы, страсть к насилию у них улеглась и, кажется, надолго.

В России и Германии, наоборот, популярность получил лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

В России гражданская война приняла поистине апокалиптический характер.

Ленинский нэп способствовал смягчению нравов, но болезнь не была побеждена окончательно. Наблюдая замашки своего непосредственного окружения, Сталин, человек честолюбивый, понял, чем он может стяжать себе всенародную любовь.

Он никого не убивал, просто он предоставил эту возможность гражданам руководимой им страны, возможность, которой они с удовольствием и воспользовались. Удовольствие было тем большим, чем больше была у палачей иллюзия безнаказанности (в отличие от гражданской войны, которая эти иллюзии не подтвердила). Надо отдать справедливость «гениальному кормчему», было и другое отличие. Во «времена культа личности» непосредственно к убийствам была допущена гораздо меньшая часть людей, чем во время гражданской войны. Остальные должны были довольствоваться писанием доносов, скандированием лозунгов типа: «Если враг не сдается — его уничтожают!» Поэтому количество убийств на единицу времени в годы «культа» было в 2,5—3 раза меньше, чем в годы гражданской войны.

Во всякое время народный гнев прежде всего обращался на священников за их «не убий!» да на интеллигентов, которых не всегда обоснованно подозревали в мягкотелости и «абстрактном» гуманизме. Сейчас у нас не хватают и не сажают. Речь идет даже о сокращении применения смертной казни. Но вирус остался в крови.

Когда-то Александр Невский хорошо сказал: «Кто с мечом к нам

придет, от меча и погибнет!» Не пора ли понять, что максима эта справедлива не только в отношении внешнего агрессора. Не пора ли понять, что каждый, кто в гневе своем произносит «посадить!», «расстрелять!», снова готовит очередные Куропаты, в которых и ему найдет-ся место.

Как бы мы ни порицали Хрущева или Брежнева за судьбы Бродского или Сахарова — суд улицы не ограничился бы ни ссылкой, ни высылкой. Призывы «расстрелять» того и другого, не проникавшие в прессу, можно было услышать в очереди

или автобусе.

Хватит разговоров о Сталине, поговорим лучше о самих себе. Дадим «простому» человеку глянуть в зеркало, может быть, увидев там оскаленную бабу с косой, он ужаснется не Сталина, не Гитлера, не Пол Пота, а самого себя?

Может быть, нам не нужно ни Дрездена, ни Хиросимы, чтобы стать вровень с цивилизованными народами? Может быть, мы поймем, что всякий, кто желает смерти соседа, и сам чей-то сосед!

Валерий РОНКИН,
г. Луга.

Без следов клея

Спасибо за публикацию в первом номере за 1989 год материала «Следы клея». С ситуацией, к которой вы привлекли внимание, наша семья сталкивается уже в течение года. Вначале письмо во вскрытом конверте было получено мной — от знакомой, живущей на Кубе, затем дочерью — из Турции и, наконец, отцом — из Нью-Йорка. Острый интерес, не без примеси понятной зависти, вызвал у меня тот факт, что М. Дебрени получает свои письма все же запечатанными. Наша семья не удостоена такой чести: если конверт первого письма был надорван (но так, что письмо свободно вынималось от-

туда), то второго — просто раскрыт, а третье было опущено в ящик и совсем без конверта. Видимо, таким образом теперь проявляется различие в отношении соответствующих органов к советским гражданам иностранного происхождения и «туземцам».

Проблема, которая волнует М. Дебрени и меня, чрезвычайно важная и острая. Она, безусловно, относится к области прав человека: письма, которые носят чтения, являются ударом по достоинству их получателей.

Наталья ЯКУБОВА,
г. Москва.

Изобретаем велосипед

Я не читаю западную прессу, ибо, к сожалению, не знаю ни одного иностранного языка, но достоверно слышал, что на Западе вполне допустимо критиковать в газетах и журналах политических лидеров, отчужденной страны, коими руководят эти «лидеры, не становятся экономи-

чески и политически слабее. У них, говорят, даже президента можно раньше срока «попросить» из Белого дома, если последний слишком уж проштрафился. Но это у них.

А можно ли у нас хотя бы попытаться покритиковать уважаемого всем миром лидера? Хотя бы через

«Век XX и мир», о котором знают очень мало наших граждан, а жаль. Итак, попытаюсь поспорить с М. С. Горбачевым и даже покритиковать его.

В своей заключительной речи на встрече в ЦК с рабочими он сказал: «Можно и при трех-четырех партиях такой диктат держать, что никто и не пикнет, не вздохнет свободно». В принципе можно, конечно, особенно в нашей стране да еще в некоторых, но не во всех. В США, как показала 200-летняя практика (критерий истины), этого сделать нельзя, ибо США послушались идеалиста И. Канта насчет устройства управления республиканским государством, а мы, СССР, до сих пор изобретаем велосипед в этом деле. Поэтому «ку-клукс-клан» у нас, конечно, невозможен, а вот диктатура личной власти, совершившая неслыханные за всю историю человечества злодеяния, оказалась возможной. А почему? Да все потому же — потому что при хотя бы двух партиях сие сотворить было бы, что ни говорите, посложнее. А то, что получается? Партия одна, вождь один — ну о каком контроле можно вести речь при таком режиме, о какой диалектике можно говорить при такой системе? Почему-то весь мир имеет многопартийную систему управления государством, а мы, выходит, умнее всех: мы, видите ли, коммунизм строим, а они такие-сякие, нехорошие. У них есть безработица, а у нас нет. Но зато у нас даже мыла не хватает. А повыгоняй с работы всех наших «работающих» бездельников — боюсь, у нас будет безработица куда больших масштабов, чем в США.

Тов. Вольский заявил по телевидению: «В Азербайджане мафия орудует капиталом в 10 миллиардов рублей, в Армении — несколько большим». А по всей стране? Ведь страна, по существу, разграблена. И как же товарищ Чебриков справится с таким чудовищным злом, когда эта мафия срослась, как сиамские близнецы, с государственными органами управления? Что ж, неужели опять концлагеря открывать? Тогда против нас ополчится весь мир, и ядерной зимы не миновать.

Выход из этого тупика, по-моему, только один: двухпартийная, проверенная мировым опытом система управления государством при сохранении, разумеется, Советской власти, которую изобрел сам народ.

Коммунистическая партия, и, скажем, Демократическая партия с одной идеологией, но с разными подходами к осуществлению главной цели — подъемом страны на первые места в мире. Арбитром в борьбе этих партий за власть, за конституционное соблюдение власти, за сохранение демократических принципов в стране должен быть независимый суд, отчитывающийся за свою деятельность только перед ежегодными съездами народных депутатов. Власть каждой партии должна быть, понятно, ограничена определенным сроком. Только в борьбе партий за власть будет постепенно покончено и с мафией. Иначе нашей стране грозит полный развал, катастрофа.

И. ШАГУЛЬСКОВ,
рабочий,
г. Волгоград.

Лучше меньше, да лучше!

Требование о переходе к многопартийности справедливо только в принципе. Плюрализм не создается декретом, в одночасье, он вызре-

вает в борьбе идей и прагматических интересов. В русской истории его фактически не было, в эти игры мы не играли и опыта не

имеем. Слабость думских демократических партий — следствие их искусственности.

Сейчас мы по необходимости начали всеобъемлющую ломку, и если сокрушать всё, то легко посеять такой хаос, что бонапартизм станет неизбежен, и мы вернемся к диктатуре непредсказуемого вида.

Очень хочется демократии, но если ее нет в базисе (нет рынка, выбора поставщика), то демократия в надстройке (выборы директора, партии, президента) — игра, учеба, но не более того. Пока не возник и не устоялся рынок, как организующее начало, согласующее производство с потребностями, надо иметь структурную опору переходного периода. Здесь монопартийность — спасение! Пока еще кто-то должен волевым порядком решать, что заводу выпускать — игрушечные танки или всамделишные, кому давать бесплатное жилье и т. п.

Но эффективно ли нынешняя партия осуществляет роль лидера?

XIX партконференция показала, насколько силен в партии консервативный бюрократизм, третирующий печать, да и интеллигентность в целом.

Партия и ныне формируется и живет по порядкам, заведенным со времен подполья — на основе пожизненной кооптации. Тогда это было не просто разумно, но единственно возможно — организация революционеров. А сейчас? Нас в школе учат, что демократия — это всеобщие, равные и прямые выборы при тайном голосовании. Сейчас мы делаем еще шаг — многомандатные округа. Это неплохо, если вспомнить, как Бог сотворил Еву — вызвал на ковер Адама и сказал: «Выбирай себе жену!»

Но почему мы выбираем одних (советы), а правят другие (партия)? Такая, незамечаемая нами несуразность записана в Конституции, ст. 6: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая

партия Советского Союза». Так было всегда, и потому неясно, зачем именовать общество и союз советскими, ведь это даже не двоевластие, а четко провозглашенная партократия.

Конечно, можно, как дети: «Что нам стоит дом построить, нарисуем — будем жить!». Изменим конституцию, передадим всю власть советам, создадим еще десяток партий — и поиграем в демократию, не думая о реальной жизни.

Альтернативное предложение сводится к изменению лишь одного пункта устава партии — о приеме, и к изменению порядка голосования. Пусть этот пункт прозвучит так:

«Прием в партию новых членов осуществляется сроком на пять лет путем тайных выборов на ежегодном собрании трудового коллектива (цеха, колхоза, отдела, предприятия и т. п. численностью от 50 до 300 человек) в количестве 2 процентов от состава коллектива». Тогда всегда в партии будут состоять 10 процентов работающих.

Одновременно в первые четыре года на тех же собраниях из партии таким же тайным голосованием выводится по 20 процентов ее нынешнего состава, а на пятый год — автоматически все остальные. Конечно, можно и не ждать вывода, выход свободный для всех...

Какие обоснования и какие выгоды от такой монопартийной демократии?

Чтобы рядовой человек почувствовал себя не беспомощным зрителем, а участником перестройки, ему надо дать хоть кусочек осязаемой власти. Выборы в малом коллективе, где все знают всех и голосование без ограничения (без выдвижения кандидатов) исключают возможность протаскивания «темных лошадей». Голосовать легко: «Ну, ошибусь, забуду кого, так на другой год поправлю!»

Такая непосредственная, подлинно всенародная, демократия без специальных усилий очистит партию от хапуг, чинуш и вообще случай-

ных людей. Не будут нужны многослойные и подверженные коррупции системы контроля. Может быть, в будущем, после завершения экономической реформы, полезнее будет иметь несколько партий (и тогда советы необходимы), но сейчас лучше сохранить монопартийность и все связанные с ней реалии, изменив существо через непосредственную демократию трудящихся.

Чем толковать о программах соперничающих партий, важнее дать людям чувство хозяина, ощущение прямого влияния на власть. Хочется воздействовать напрямую, через ежегодный выбор справедливых и умных сотрудников, на свои внутренние, близкие и понятные дела.

Владимир ЧУДОВ,
г. Москва.

Кто же мне ответит?

Хочу поделиться странной историей. На одном антивоенном митинге, который проходил в Бухарском швейно-галантерейном объединении, рабочая, мать-героиня Ашурова Саломат, заявив, что так как Бухара является одним из красивейших исторических мест Востока с тысячелетней культурой, предложила объявить город-памятник безъядерной зоной. Все присутствующие поддержали ее. Затем и другие коллективы, где прошли антивоенные митинги, приняли такое же решение.

Получив резолюции всех этих митингов, где предлагалось объявить Бухару безъядерной зоной, я пошел к заместителю председателя облисполкома тов. Мухамедовой, которая является и председателем нашего областного отделения СФМ. Узнав в чем дело, наш председатель стала меня упрекать в том, что я не разъяснил товарищам, что такое решение принимать нельзя. Почему?

Заведующий идеологическим отделом обкома партии тов. Саламов В. М. стал у меня спрашивать, а есть ли в области ядерные боеголовки. На что я ему ответил: «А какое дело матери-героине до нашей бомбы?»

Узнав об этом факте, секретарь обкома КП Узбекистана тов. Саиджанов Ю. С. только рассмеялся. И все.

Я считаю, что в период гласности, перестройки, открытой народной дипломатии вышеназванные уважаемые товарищи неправильно понимают политику партии в области разоружения.

Так все-таки, правы или нет наши трудовые коллективы, что решили объявить Бухарскую область безъядерной зоной?

М. АЧИЛОВ,
заместитель председателя
Бухарского областного
отделения СФМ.

Новая федерация

При сегодняшней структуре СССР «вес» каждой национальности зависит от ее численности, компактности расселения и даже близости к государственной границе. Между тем, в ленинской «Декларации прав народов России»

предусмотрено только одно различие: **народы**, имеющие право на самоопределение и государственность, и национальные **меньшинства**, имеющие право на свободное развитие и культурную автономию. Отличить одних от других просто:

опыт зарубежных государств показывает, что полноценный суверенитет осуществим при численности населения не менее двухсот тысяч человек. Значит, в СССР должно быть не менее тридцати четырех равноправных республик: все теперешние ССР и АССР, кроме Нахичевани и Аджарии, а также Карачаево-Черкесия. Это не считая репрессированных республик — Крымской и Немцев Поволжья.

Национальным меньшинствам нужно предоставить автономию во всех возможных формах, а главное — твердые правовые гарантии от произвола большинства. Если эти условия будут выполнены, то все территориальные конфликты можно будет решать путем референдума с участием всего населения спорной территории, но с особенно внимательным учетом мнения тех, кто живет там с рождения.

Об особой роли русского этноса скажу одно: пока в столице СССР русские являются местными жителями, а остальные — гостями и просителями, неприязнь к русским неискоренима. Вдумайтесь: столица Союза — это город **республиканского** подчинения!

Такого анахронизма нет уже ни в одной федерации мира, кроме СССР и Югославии: все остальные перенесли столицу из центра штата в федеральный округ, обеспечив устойчивое сочетание сильного

центра с сильными штатами. Не этого ли хотим и мы?

Судьба перестройки зависит от успехов в реорганизации аппарата управления — но ведь аналогичный период в истории России уже был, и Петр I решил эту задачу одновременно с переносом столицы. Сейчас бюрократам в Москве и стены помогают — в новую столицу многих из них можно попросту **не взять!** Содержать столицу должны будут все республики вскладчину — вот вам и толчок к развитию республиканского хозрасчета и конец всяких привилегий для столицы.

Перенос столицы можно совместить с экономической выгодой, если упразднить одну из областей РСФСР, районы передать соседним, а в освободившихся зданиях обкома, облисполкома и т. д. разместить общесоюзные органы власти и управления. Объем нового строительства можно свести к минимуму, и тогда главное — не дать разбазарить освободившиеся в Москве помещения.

Из района Среднего Поволжья до республиканских столиц ближе, чем из Москвы. Желательно расположение столицы где-то здесь на границе между республиками, в небольшом городе. Не подойдет ли для этого Ульяновск?

Валерий САРВИЛИН,
программист,
г. Ленинград.

Куда ведут «накатанные рельсы»?

Андрей НУЙКИН

Доклад на ассамблее Европейского союза писателей и ученых «Европа: поэзия, наука, гуманизм, технология — на пороге XXI века»
[г. Пенне, Италия, ноябрь 1988 года]

Недавно мне довелось принять участие в работе симпозиума в городе Барселоне на тему «Перестройка. Куда идет Советский Союз?» На этом представительном форуме ответственный работник Министерства иностранных дел Испании сказал: «Мы долго присматривались к вашей перестройке, пытаюсь понять, не блеф ли это, всерьез ли это, надолго ли это. Мы убедились, это всерьез и надолго. И мы говорим: «Ваша перестройка — это и наше дело тоже. Мы готовы в ней участвовать!» Очень мудрая позиция, как мне кажется.

Перестройка, развернувшаяся в нашей стране, в случае ее успеха, может создать в Европе и мире ситуацию, позволяющую нащупать выход из общего кризиса современной цивилизации. Разумеется, если со стороны мирового сообщества (и прежде всего Европы) будут проявлены дальновидность, мудрость и воля, без мобилизации которых затянувшийся кризис цивилизации с неотвратимостью приведет к гибели высокоорганизованной жизни на земле. И достаточно скоро.

Мы, участники перестройки в СССР, отдаем себе трезвый отчет, что горячий интерес, сочувствие и даже энту-

зиазм, которые вызвала она в странах Запада, объясняются отнюдь не альтруизмом или простой радостью за народ, вставший на путь, который может привести к благосостоянию и демократии.

Страх — не только одно из самых мучительных, но в определенных дозах одно из самых разрушительных состояний человеческой психики. С точки зрения биологической, страх рассчитан на предельную, но недолгую мобилизацию всех духовных и физических ресурсов в минуту опасности. В минуту! Если же это острое ощущение опасности, смятения, ужаса, напряженного ожидания затягивается на часы, страх становится силой деструктивной, способной довести до истерики, срыва. Продлеваясь же на дни и месяцы, страх превращается в изнурительную хроническую болезнь души, с непредсказуемыми последствиями. Уже чуть ли не полвека мы, засыпая вечером, не знаем, что нас разбудит: звон будильника или рев ракет и грохот термоядерных взрывов. Не в этом ли секрет необъяснимых «эпидемий» психических расстройств, наркомании, пьянства, половой распущенности, самоубийств, мистицизма, жес-

токости, наблюдаемых во многих регионах земли? Трудно надеяться, что столь затянувшийся жестокий эксперимент жителей планеты над самими собой безнаказанно сойдет им с рук. Столь долгое постоянное воздействие страха может привести к тотальным необратимым изменениям их психики. И хорошо еще, если из вида homo sapiens человечество преобразуется хотя бы в homo hystericus. Ну, а если мы получим что-то гораздо более дегенеративное и отвратительное?

Опасность эта, если не осознается, то ощущается многими, желание освободиться от оков страха становится все более непреодолимым.

Вряд ли нужно объяснять, что страх этот был не безадресным. В социалистическом лагере он связывался с американским и натовским милитаризмом, у жителей западных стран — с танками и ракетами СССР. И вряд ли нужно напоминать, что и та, и другая сторона давали достаточно оснований для этого страха. И вот сейчас, с приходом к власти Горбачева, в западных странах появилась надежда на возможность избавиться от этого наваждения, обрести в Советском Союзе конструктивного партнера в решении всех мировых проблем, доброго, миролюбивого соседа. Этим я и объясняю в первую очередь энтузиазм, с которым встретил Запад реформы Горбачева, готовность способствовать перестройке. Огорчает ли нас подобное «своекорыстие»? Отнюдь. Чистый альтуризм — явление очень красивое, но очень ненадежное. Прочное долгосрочное сотрудничество может основываться только на взаимном кровном интересе. И если уж у меня возникает желание предостеречь от чего-то, то именно от недооценки масштаба и глубины заинтересованности стран мира в успехе тех преобразований, которые начаты в нашей стране.

Освобождение от всеобщего страха термоядерной войны — задача чрезвычайной важности, но, думается, перестройка, если ею распорядиться с умом, могла бы способствовать разре-

шению проблем еще более важных, еще более глобальных.

Если даже человечеству удастся избежать самоистребительной войны, это не освободит его от необходимости искать выхода из тупика, в который с неотвратимостью заводит, а практически уже завело, развитие современной технической цивилизации. Даже если человечество в ближайшее время очнется от своего безответственного благодушия и начнет всерьез всем мировым сообществом решать проблемы экологии, оно, не изменив коренным образом природы своей цивилизации, не выпутается из все обостряющихся противоречий, разве что отодвинет на недолгий срок агонию природы. Гибель природы и самоистребление заложены в программу нынешней нашей потребительской, индивидуалистической, технической цивилизации и в пределах ее неустранимы.

Научно-техническое, технологическое и экономическое отставание ее ведет к бессмысленному, глупому истреблению природных ресурсов и потенциалов. Но и стремительное развитие обеспечивающее более рациональное расходование природных богатств, ведущее к благосостоянию, сытости, комфорту, не способно остановить скатывания к катастрофе, ибо оно сопровождается резким увеличением объемов производства, которое при самых рациональных своих проявлениях есть в конечном счете перемалывание невозполнимых природных ресурсов в отходы, отбросы, ядовитые шлаки. К тому же процесс этот с неотвратимостью сопровождается эскалацией все новых и новых потребностей, что не позволяет технической цивилизации свернуть с рельсов, по которым она катится к самоубийству.

Западные ученые и публицисты высказывают тем большее удовлетворение советской перестройкой, чем более она приближает нашу экономику к типовому для потребительской цивилизации эталону. Мы не спорим, без возврата к рыночным отношениям, без обретения конкурентных систем в про-

изводстве и торговле, без овладения современными высокопродуктивными технологиями нам не удастся ни накормить, ни одеть свой народ, ни предоставить ему тот минимум жизненных удобств, без которого уже просто не может обходиться современный цивилизованный человек. Происходящие в нашей стране перемены прогрессивны, отрадны и достойны всяческой поддержки, но стоит ли забывать, что включение новых и новых стран в безудержную гонку к высотам потребительской цивилизации в условиях, когда ее тупиковость стала вполне очевидной, ведет одновременно и к невосполнимым утратам? Попытки из самых прекраснодушных побуждений перепрыгнуть через этапы исторического развития только ускоряют разрушение и природы, и культуры. Уже в этом-то мы сейчас стали разбираться лучше многих.

Герберт Уэллс как-то заметил, что в наше время человеческая история все более и более становится соревнованием между воспитанием и катастрофой. К этой формуле хочется присоединиться, разве только заменив в ней «воспитание» на «самовоспитание». И адресовав его не отдельным людям, а человечеству в целом. Под самовоспитанием же стоит понимать не обретение приличных манер, миролюбия, терпимости, культуры в традиционном смысле этого слова. Рассел и Эйнштейн, призывая в 1955 году политиков учиться «мыслить по-новому», похоже, не отдавали еще себе отчета, насколько радикального переворота сознания потребует от людей конец XX века.

«Тысячелетние традиции сейчас надо безжалостно ломать, от них надо напроць отказываться», — говорил Горбачев в одном из своих интервью. — Иначе проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой. В ядерный век нельзя жить — во всяком случае, долго жить — с психологией, привычками и правилами поведения века каменного».

Насколько проще и приятнее было бы нам решать эту эпохальную задачу, если бы речь шла только о явно дурных традициях, только об откровенно ущербной психологии, только об

осужденных передовым общественным мнением привычках и правилах поведения!

И еще одно соображение. «Новое мышление», — говорим мы. Ах, мышление! Сразу исполненный надежды взор наш устремляется к науке, главному аккумулятору мыслительной энергии. Но зря обращаем мы свой взор в эту сторону. Кризис европейской цивилизации в том, в частности, и заключается, что лежащая в фундаменте ее рационалистическая философия оказалась неспособной решить те задачи, что обрушил на человечество в конце второго тысячелетия вырвавшийся из-под контроля гуманизма научно-технический джин.

Если мы хотим выжить и сохранить планету как место, пригодное для обитания, нам придется многим поступиться, от многого отказаться, с многим примириться. Нам придется менять образ жизни, привычки, не только иерархию, но и систему ценностей. При этом обязательно добровольно, не скатившись к борьбе за место под солнцем, соперничеству за блага, вырыванию у слабейшего последнего куска. И тоже не во имя «чистого» альтруизма, а потому, что на этом пути мы погибнем особенно быстро. И слабые, и сильные. Сначала морально, духовно, потом — физически.

Реален ли выход из кризиса цивилизации? Да, если мы, люди, сумеем преодолеть свою пещерность, наполнив новым содержанием такие понятия, как патриотизм, успех, счастье, цель жизни, высший смысл жизни и т. д. «Новым содержанием», — сказал я. Но в том-то во многом и заключается кризис нашей европейской цивилизации, что главные категории человеческой духовности оказались в итоге обожествления науки, позитивного знания практически ничем не наполненными. Наука, логика способны подсказывать лишь средства, целей они не определяют. Цели вырабатывает человеческая душа, и лишь потом систематизируют и обосновывают философские учения, сплачивающие людей вокруг этих целей.

Рационализм же с позитивизмом и философию превратили в рационалис-

тическую науку. Она уже не способна увлекать мощными ценностными системами, возвышающими над прагматизмом и эгоизмом целями, неожиданными общепланетарными идеями.

Эта беспособность науки вырабатывать цели, творить учения и побуждает, видимо, многих сейчас вновь и вновь возвращаться к попыткам найти выход для человечества на путях, которые не раз уже были пройдены. Увы, ни оживление религиозности, мистицизма, ни новый культ семейного очага, ни идеи индивидуального опрощения выхода из кризиса нам, думается, не укажут. Требуются новые общечеловеческие мощные идеи, новые, способные повести за собой массы людей учения, неожиданные идеологические решения.

Почему не годятся старые, почему нужны обязательно «неожиданные»? Да потому что поиск ответов на «проклятые вопросы» нашего века ставит перед нами задачи с позиций вчерашнего дня просто неразрешимые. С одной стороны, от нас требуются быстрота, оперативность, глобальность, радикальность, с другой — осторожность, терпимость, недопустимость насилия в решении социальных проблем, затрагивающих кровные интересы уже не миллионов, а миллиардов людей. Нам приходится замахиваться на синтез яв-

лений, позиций и философий, которые еще недавно рассматривались как принципиально несовместимые. Нам надо соединить воедино революционность с глубоким уважением к прошлому, радикализм со знанием и ответственностью, насилие с совестливостью, преданность организациям, дисциплину с полной свободой нравственного выбора, иными словами — князя Мышкина с Рахметовым, Льва Толстого и Достоевского с Марксом.

Вот почему нам всем важно не свести перестройку, начавшуюся в Советском Союзе, на старые рельсы, по которым уже не раз проехали другие страны. Энергетический, творческий потенциал великого народа, поднявшегося на полное переустройство всей своей жизни, очень высок. Использовать его человечеству надо с максимальной эффективностью и фантазией.

Опыт нашей страны повелительно заявляет: замахиваясь на большое дело, надо его так далеко продумать, так предусмотреть все варианты, чтобы потом не требовалось построенное «перестраивать» заново. На пороге XXI века жить бездумно, не заглядывая ответственно вперед, — уже не просто легкомыслие. Реалии века таковы, что это может стать преступлением. По отношению к себе и потомкам.

ПОЧТА

С нами всё ясно...

Я читательница вашего журнала с 1958 года — года его выхода. В последующие годы все больше и больше убеждаюсь — право было правительству, как оно дальновидно защищало нашу страну, рабочих и крестьян, строивших социализм. Можно только мечтать, как хорошо бы мы теперь жили, если бы не пятая колонна, которая начала сплываться при Хрущеве и которая к теперешнему моменту до основания расшатала наше государ-

ство с экономики до идеологии, сознание людей. Становится всем ясно, что руководителем пятой колонны, ее создателем является международное ЦРУ. Ваш журнал — один из многих этого чудища. Вы идете впереди многих антисоветских изданий. Теперь все большее и большее число читателей осознает это.

Елизавета НОВОСЕЛОВА,
член партии,
г. Свердловск.

Перспективы советского социализма

Борис КУРАШВИЛИ,
доктор юридических наук

Любой общественный строй имеет две стороны: социально-целевую и социально-технологическую. Характеризуя социализм, мы традиционно щедры на декларации о целях и скромны или утопичны в понимании социальных механизмов, обеспечивающих достижение этих целей. Это относится и к той модели социализма, к которой должна привести перестройка. На XIX Всесоюзной конференции КПСС было сказано, что социализм — это общество реального гуманизма, к которой должна привести перестройка. На XIX Всесоюзной конференции КПСС было сказано, что социализм — это общество реального гуманизма, эффективной и динамичной экономики, социальной справедливости, высокой культуры и морали, подлинного народовластия. Но как реализовать эти прекрасные черты социализма? В самом кратком виде ответ на этот вопрос должна дать формула будущего советского социализма. Не просто, не односторонне целевая, а многосторонняя, целостная формула нашего неосоциализма. С учетом возможных альтернатив.

ЧТО ВКЛЮЧАЕТ ФОРМУЛА СОЦИАЛИЗМА?

Вряд ли в качестве формулы социализма можно рассматривать крылатые слова В. И. Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Эта фраза имела ситуационный смысл: нужно было подчеркнуть значение ГОЭЛРО. Н. С. Хрущев присоединил к ней слова «и химизация народного хозяйства». Если ид-

ти по этому пути, то сейчас нужно добавит еще и, скажем, информатизацию и биотехнологизацию. Пустое занятие. Социализм должен основываться на современных производительных силах, но «начинается» он с производственных и иных отношений.

В формуле социализма, на мой взгляд, должны быть указаны присущие ему коренные общественные отношения, а именно: 1) какие наиболее общие цели ставит перед собой данный общественный строй, каковы, следовательно, отношения между обществом и его членами; 2) каковы господствующие формы собственности на средства производства и как они реализуются; 3) каков экономический механизм производства и распределения материальных и духовных благ; 4) каков политический механизм, обеспечивающий функционирование общества (составленного из социальных групп, слоев, национальных и территориальных общностей, индивидов — с совпадающими и расходящимися интересами) как единого целого.

В работах, посвященных перестройке, эти элементы рассматриваются чаще всего по отдельности, что имеет свои преимущества. Так, весьма интересна посвященная политической перестройке статья А. Миграняна «Легко ли стать Европой?» в январском номере «Века». Здесь делается попытка свести названные элементы в одной формуле.

Что нового привнес социализм в эволюцию человечества? Это, во-первых, общественная, главным образом общенародная собственность на средства

производства (при существовании также кооперативной и индивидуальной собственности). Во-вторых, ведущая роль государства в экономике, обусловленная не только тем, что государство управляет общественными делами, но и тем, что оно, как представитель собственника (народа), распоряжается основными средствами производства. В-третьих, распределение материальных и духовных благ главным образом по труду — либо по количеству (времени) и трудно измеримому качеству (сложности) труда, либо по его реальным общественно признанным результатам, либо по сочетанию того и другого критериев, позволяющих измерять труд. Таковы специфические черты социализма.

В основе формулы социализма лежат, естественно, его специфические черты. Но ими социализм не исчерпывается. Он представляет собой сочетание этих черт (в их конкретно-исторических модификациях) с унаследованными от предшествующих общественно-экономических формаций, ближайшим образом от капитализма. Иначе социализм был бы «чистым», но нежизнеспособным. Общество не может жить сегодня так, а завтра совсем по-другому. Оно признает диалектические скачки, но не дикие прыжки.

Речь идет не о наследовании социализмом специфических черт капитализма (частная собственность, распределение по капиталу). Их социализм отрицает, хотя отчасти и может использовать. Социализм осваивает общее достояние человеческой цивилизации, в котором оба строя, при всей своей противоположности, находят источники и механизмы своего функционирования и развития. Главные элементы этого общего достояния, сближающие социализм и капитализм (отнюдь не во всем противоположные друг другу) и позволяющие им, наряду с борьбой и соперничеством, жить в условиях мира и сотрудничать друг с другом в решении и своих собственных, и общечеловеческих проблем, — товарное производство и политическая демократия.

У этих социальных механизмов есть

свои объективные законы, которые нельзя нарушать безнаказанно. В частности, и социализму, чьи возможности перехода «из царства необходимости в царство свободы» мы были склонны преувеличивать. В норме социализм так же немислим без своих специфических черт, как и без товарного производства и политической демократии. Мы не сразу это усвоили.

Научный социализм, к сожалению, не был свободен от утопических утверждений о несовместимости социализма с товарным производством и добуржуазными и буржуазными формами политической демократии. Лишь опыт реального социализма, включающий разруху, немислимые беззакония, застой, погружение в трясиину общего кризиса — лишь этот горький опыт подвел теорию и практику к идее полномасштабного социалистического товарного производства и развернутой социалистической демократии, к пониманию того, что они подчиняются объективным законам, общим для любых типов товарного производства и любых типов политической демократии.

В КАКОЕ НАСЛЕДСТВО ВСТУПИЛА ПЕРЕСТРОЙКА?

Любая революция, социалистическая в особенности, дает увлечь себя демонам «чистоты», чрезмерности, непримиримости. Становление социализма в нашей стране не обошлось без утопических попыток упразднить товарное производство. Потом долго ограничивались его суррогатом. Еще более упорным было (и сохраняется) стремление обойтись суррогатом демократии — «демократией поддержки» (руководство правильно выражает интересы народа — народ одобряет и выполняет предначертания). Отчасти это было следствием неполной теоретической готовности к строительству нового общества и невысокой массовой политической культуры, но главным образом — следствием чрезвычайных усло-

вий развития, неумолимых исторических обстоятельств, той неистовой борьбы двух общественных систем, в которой социализм отстаивал свое право на существование.

В этих условиях у нас сменилось несколько моделей социализма. Сначала был «военный коммунизм» — авторитарно-утопический социализм. Потом, при нэпе, начал было разворачиваться авторитарно-многоукладный социализм. Он был сменен долгим периодом авторитарно-мобилизационного социализма с тоталитарными извращениями. Когда же при Хрущеве социализм, наконец, ушел от чрезвычайщины, завоевал себе условия для нормального развития, то после непродолжительной «оттепели» и неудачных «покушений на реформы» он погрузился в застой и разложение. Возник (под именем развитого) авторитарно-бюрократический социализм. Он и стал объектом перестройки. Таков, с моей точки зрения, послужной список советского социализма.

Говорят иногда, что это вовсе и не социализм, что недемократичность и фактическое отчуждение производителя от средств производства не позволяют называть общество социалистическим. У этого мнения, немало, но недостаточно оснований. Социализм, «приятный во всех отношениях», не может возникнуть по мановению волшебной палочки. Действительный, реальный социализм, как это было, кстати, и с современным «развитым капитализмом», возникает в долгой эволюции, проходя через далекие от совершенства формы.

Главное в нашем историческом наследии, думаю, в том, что сохранена общенародная и кооперативная собственность на основные средства производства, их не нужно ни у кого отбирать, не нужно никакой революции в строгом смысле этого слова (как перехода экономической и политической власти от одного класса к другому). Если и нужна «революция», то лишь как образное выражение, которое воодушевляет на глубокую реформу, на политический подвиг, решительные действия, помогает преодолеть колебания и бесхарактерность.

Может быть, возник «новый класс» — бюрократизированный аппарат управле-

ния, захвативший общенародное имущество? Полноте, аппарат не обладает этим имуществом как собственник, а лишь распоряжается им как полномочный представитель собственника — народа. У сановников и чиновников не классовые, не базисные, не первичные, а производные, можно сказать, «птичьи» права на общенародное имущество. Эти права связаны с пребыванием в должности. Вся проблема «экспроприации экспроприаторов», вся «революция» состоит здесь в том, чтобы сказать аппарату управления: «Знай, сверчок, свой шесток».

Аппарат управления необходим в работе по распоряжению общенародным имуществом, по контролю за его использованием, без этой работы нет движения имущества и нет производства, но в демократически организованном обществе она отнюдь не влечет за собой отчуждения производителя от средств производства. Мне представляется что хотя бюрократизированный аппарат управления и является в настоящее время основной консервативной силой, речь идет не о его ликвидации (это был бы «административный луддизм»), а о его глубокой структурно-функциональной реорганизации, о его полном подчинении политике, об эффективном контроле над ним. Без опоры на немалочисленные передовые силы в аппарате и на реорганизованный аппарат в целом перестройка, боюсь, закончится большой дезорганизацией, большим конфузом и новой, наводящей «порядок» диктатурой.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Какова главная и предпочтительная модель социализма?

Становится общепринятым тот взгляд, что очередной исторической задачей советского общества является строительство демократического социализма. Термин этот небезупречен. В него разными направлениями социалистической мысли вкладывается разное содержание. Но главное, думается, в том, что именно эпитет «демократический» лучше всего характеризует тот новый социализм, тот неосоциализм, к которому, вероятнее

всего, рано или поздно приведет перестройка.

Каким мне представляется демократический социализм? Если коротко, то это общественный строй, обеспечивающий распределение по труду и основанный на общественной, главным образом общенародной собственности, товарном производстве и развернутой политической демократии, «демократии участия» (тогда как не остро актуальный ныне коммунизм, остающийся тем не менее гипотетическим следующим этапом развития, отдаленной целью социализма, — это общественный строй, обеспечивающий распределение по потребностям и основанный на общенародной собственности, непосредственно общественном производстве и общественном самоуправлении).

Если несколько конкретнее, то я бы определил демократический социализм как общественный строй, в рамках которого (1) обеспечивается всестороннее развитие личности каждого члена общества при том ограничении, что материальные и духовные блага распределяются между работниками, трудовыми коллективами и территориальными общностями по реальным, общественно признанным результатам их труда, (2) производство основывается на общенародной собственности, передаваемой государством в полномочное хозяйственное владение трудовым коллективам народных (государственных) предприятий, а также на кооперативной и индивидуальной собственности, (3) в рамках планомерного государственного регулирования (главным образом законодательного и экономического), гарантирующего реализацию общих и перспективных интересов, осуществляется конкурентное товарное производство, реальная эффективность которого, а тем самым и размер вознаграждения за труд определяются рынком, (4) общественная жизнь организуется на началах развернутой политической демократии в рамках правового государства, включая принятие решений большинством и уважение прав меньшинства, ответственность государства перед гражданином и гражданина перед государством, «разделение властей», многопартийную систему.

Перестройка, развивающаяся на фоне

бурной критики прошлого, не направляемая достаточно конкретной концепцией, естественным образом впадает в крайности. В поисках легких путей пробует то одно, то другое. Есть тенденция воспринимать будущее общество как воссоздание того, какое было при нэпе. Основное в нэпе — достаточно полный хозрасчет государственных предприятий — действительно подлежит возрождению (в сущности хозрасчет — это стыдливое признание закона стоимости). Но как обстоит дело с мелкой и средней частной собственностью? Будет ли «приватизация» собственности, капиталистическое предпринимательство элементом экономического строя демократического социализма?

Лично мое убеждение: будущий демократический социализм сможет обойтись без «приватизации». Не только технологическое, но социально-организационное соединение работника со средствами производства и тем самым его постоянная острая заинтересованность в повышении эффективности производства вполне достижимы в государственном секторе с помощью института неполной собственности — полномочного хозяйственного владения (не вполне точное обозначение — «аренда»). Оно открывает перед предприятием практически полную свободу в хозяйственном маневрировании имуществом, которым оно располагает. Налицо все необходимое для рационального хозяйствования достоинства частной собственности без нее самой. Зачем же нам «приватизация»? Разве мы тоскуем по власти денежных мешков? Несклько по-другому обстоит дело со смешанными предприятиями. Они выгодны и нередко просто необходимы. У них и другие корни, и другие следствия.

ДАНО ЛИ ИНОЕ?

Думаю, совершенно правильно утверждение, что ничего иного, кроме перестройки, советскому обществу не дано. Но возможны разные варианты перестройки. Уже в настоящее время демократический социализм представляется

вполне реальным прорывом советского общества к действительно светлому будущему. Но сейчас возможны еще два варианта развития.

Менее вероятен, во всяком случае менее желателен, регрессивный вариант — возврат к многоукладному социализму, какой был при нэпе, к некоему социалистически-капиталистическому строю. Некоторые авторы имеют в виду этот вариант, предлагая «приватизацию», а подчас смотрят и дальше назад, «от Октября к Февралю», не говоря об этом прямо. И обычно не учитывают одно обстоятельство. Вопреки их надеждам на полную демократию, с двухукладностью надолго вернется политическая неустойчивость, а с нею и необходимость в жестко авторитарном политическом режиме. Возможно, и бонапартистском. Появится джин, которого не звали.

Вероятнее «полупрогрессивный», умеренно-авторитарный социализм. Что это такое? Видимо, это общество, в рамках которого (!) обеспечивается достаточно полное развитие личности членов общества и умеренно дифференцированное удовлетворение их потребностей зависимости от измеряемого преимущественно государством количества и качества труда работников, трудовых коллективов и территориальных общностей, (2) производство основывается на общенародной собственности, передаваемой государством для систематически контролируемого использования государственным предприятиям, а также на кооперативной и индивидуальной собственности, (3) по единому государственному плану, содержащему обязательные задания предприятиям, осуществляется условно конкурентное товарное производство и функционирует рынок, который контролируется государством, устанавливающим, в частности, цены на преобладающую часть товаров и услуг, (4) общественная жизнь организуется на демократических началах, включая принятие решений большинством и уважение прав меньшинства, ответственность гражданина перед государством при гарантировании гражданину его прав и свобод, приоритет представительных органов в системе государственной власти, ограниченную многопартийность с фиксированным положением коммуни-

стической партии в качестве правящей и участием других партий или квази-партий в управлении обществом.

Если оценить уже проведенные в процессе перестройки меры с той точки зрения, на реализацию какой из наиболее вероятных моделей советского социализма они направлены, то, по-моему, при их эклектичности и непоследовательности пока что перевешивают элементы умеренно-авторитарного социализма. Отчасти вырисовываются и элементы демократического социализма, но в основном он еще вне видимости, за горизонтом.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА

На ранних стадиях развития социализма, при диктатуре пролетариата однопартийность, существование единственной правящей партии, сконцентрировавшей в своих руках всю реальную власть, было, видимо, неизбежно. С переходом к общенародному государству положение меняется. Отрицательные последствия монополизации власти становятся нетерпимыми. Возникает проблема перехода к многопартийности.

Существование двух, или главным образом двух путей развития советского общества — строительства демократического или умеренно-авторитарного социализма (разумеется, под более привлекательным названием) является социальной почвой, на которой может возникнуть социалистическая многопартийность (скорее всего, как мне представляется, бипартийность).

На переломных этапах развития крупные идеологические и политические течения обычно раскалываются: новаторы противопоставляют себя ортодоксам, фундаменталистам. «Нераскол» чаще всего означает «непрогресс». Эта общая закономерность являет сейчас свой лик нам. Советский социализм находится на том уровне зрелости (уже не ранней), в той нормальной обстановке (уже и еще не в чрезвычайных условиях) и на той ступени кризиса (все мыслимые полумеры уже испробованы), при которых многопартийность, возможно, становится

решающим фактором радикальных преобразований.

Когда новаторы в партии вынуждены в интересах сохранения ее искусственного единства при принятии каждого решения оглядываться на обоз, характер и темп движения фактически задается фундаменталистами, ныне выступающими в роли консерваторов. Если новаторы не создают своей партии, то под напором потребностей развития многопартийность создается стихийно, вне рамок правящей партии, а последняя оттесняется на консервативные позиции. Создание неформальных организаций и народных фронтов есть, на мой взгляд, не что иное, как проявление этого процесса. Наилучший способ формирования социалистической многопартийности я

лично вижу в своевременном «разъединении» правящей партии, проведенном не для борьбы на уничтожение, а для принципиального соперничества и лояльного сотрудничества двух партий, по целям одинаково социалистическим.

Социалистическая многопартийность, кладущая конец ненормальной монополии власти, рано или поздно, но непременно станет элементом развернутой социалистической демократии. Сейчас у нас (в отличие от Венгрии и Польши) идея многопартийности отвергается. Таково политическое решение. Будем уважать его. Но и не забывать при этом об опережающих функциях науки. То, что сегодня может обсуждаться лишь в теоретическом плане, завтра, видимо, станет практической задачей.

ИЗ ПОРТФЕЛЯ РЕДАКТОРА

От самиздата —

к свободе слова

«Какова роль самиздата в вашей жизни!» — этот вопрос был поставлен перед рядом ленинградцев, чей талант и общественный темперамент пользуются признанием соотечественников.

Дмитрий Лихачев, академик.

Самиздат существовал всегда. С тех пор, как я умею читать, я помню самиздат... Чем меньше будет давления на официальную печать, тем меньше будет самиздата.

Борис Стругацкий, писатель.

Если государство не хочет или не может обеспечить духовные потребности своих граждан в должной мере, граждане переходят на самообеспечение... Самиздат 60-х и 70-х годов — это целый мощный пласт духовной жизни. Это запрещенный Булгаков, запрещенный Платонов, Гроссман, Солженицын, Кестлер, Оруэлл... Это публицистика Лидии Чуковской, Эрнста Генри, поднятого ныне на щит академика Сахарова и близкого, видимо, к новому витку признания Солженицы-

на, и совсем не признанного и забытого Амальрика.

Сергей Курехин, композитор.

Самиздат должен стать попыткой создать независимую периодику. Есть смысл в существовании огромного количества маленьких журналов, как регулярных изданий.

Нина Катерли, писательница.

Самиздат стимулирует развитие гласности, подчеркивая дистанцию между разрешенной смелостью официальных изданий и настоящей свободой печати.

Лев Гумилев, этнолог.

...Не слышал, не читал, не знаю.

(Из материалов независимого ленинградского журнала «Меркурий»)

Всё это уже было...

*Слева бесы, справа бесы.
Нет, по новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел,—
Не поймешь, какие злей.*

Людмила Сараскина

*И куда, в какие гали,
На какой еще маршрут
Нас с тобою эти ввали
По этапу поведут?*

Владимир ВЫСОЦКИЙ, 1979 год

Признаюсь сразу: тема «демонологии» современной общественной жизни малоприятна и неблагодарна. Как и в любом разговоре о том, кто есть кто, размышление о «левых» и «правых» всегда рискованно: тебя обвинят и в чистоплoutстве, и в ретроградной трусости, и в какой-нибудь корысти. Но не претендуя на роль — упаси Бог! — судьи или моралиста, я все-таки хочу поделиться с читателем некоторыми тревожными наблюдениями скорее на тему **что есть что**, чем **кто есть кто**: во-первых, *nomina sunt odiosa*, во-вторых, дело не в именах, дело в феноменах и проблемах. И еще дело в удручающей, тягостной повторяемости заведомо ложных идей, в тиражировании старых ошибок, в каком-то неудержимом стремлении вновь и вновь соскальзывать на самый безумный, самый уродливый, самый бесплодный путь. Будто и впрямь осуждены и обречены мы все вечно кружить внутри одного и того же порочного круга...

Ровно семьдесят лет назад, в 1919 году, став очевидцем трагедии своей страны, писатель Иван Бунин в «Окаянных днях» размышлял о сущности революции: «Как они одинаковы, все эти революции! Во время французской революции тоже была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый поток декретов,

циркуляров, число комиссаров — непременно почему-то комиссаров,— и вообще всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли как грибы, и все «пожирали друг друга»... Все это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революции — бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана».

Симптом балагана слишком характерен и для нашего — времен благословенной и благодетельной гласности — общественного движения. Опять же оговорюсь — что не обобщаю и не вешаю ярлыки; но многое воспринимаю с досадой и недоумением. В отличие, может быть, от других сограждан, на разного рода союзы и объединения, как формальные, так и неформальные, я смотрю без должной эйфории: не хочется, а видишь в них зачастую и лицедейство, и позу, и бешеную жажду игры.

Была я на одном собрании, в одном зале. Сидели там старенькие старушки и старички, пришедшие вспомнить и рассказать о своих прошлых мытарствах, покалеченных жизнях, изуродованных судьбах. А в президиуме заседали все больше молодые молодцы,— оргкомитет или что-то в этом роде, образованный в помощь безвинно пострадавшим. За множеством бумаг, подлежащих оглашению и подписанию, орго-

митетчики как-то совсем забыли про зал, досаждавший требованием слова,— в президиуме упоенно разыгрывались места и должности, велась откровенно аппаратная работа. На моих глазах что-то неудержимо менялось: старички становились всего лишь средством, а суета президиума — целью.

По закону Паркинсона новая организация, созданная ради важной цели, имеет стремление к бюрократизации; цель незаметно вытесняется на периферию деятельности, и организация начинает заниматься сама собой. Не успевшь оглянуться, как обнаруживается: все свои силы новый комитет или очередной союз тратят на поиски помещения, установку телефона, штатное распределение. Не говоря уже о лидерах — комиссарах или председателях, президентах или секретарях. Как соблазнительно, оказывается, для прежнего нигилиста и обличителя Административной Системы получить в организации (пусть и «нового типа») чин и должность, стать обладателем (пусть и вообразяемого) мундира! Однажды я спросила некоего молодого человека, что он делает в своем союзе. «Я — первый пресс-атташе», — с гордостью ответил он.

Сколько лет созерцая высокопоставленные номенклатурные президиумы, вначале страшаешься их, а потом смеяешься над ними, наш оппозиционер и обличитель, когда пришла его пора, сам наперегонки пошел, побежал в созданные им президиумы и с превеликой охотой заседает там, нисколько не смущаясь скомпрометированной бюрократической формой общения с народом.

О том, что всякий норовит плечом пробиться вперед, ошеломить, заявить себя первооснователем, инициатором и вообще стоящим у «самых истоков», я и не говорю. Сколько уже произошло на этой почве раздоров и расколов, лучше знают, наверное люди, находящиеся внутри движения. Со стороны же эта суета — за первенство, за лидерство, за влияние (хоть и самое крошечное, в пределах своего кружка) — выглядит ничуть не более благородным

занятием, чем, скажем, беспардонная борьба за власть представителей официоза. Замечают ли некоторые уважаемые неформалы, как «близко к тексту» воспроизводят они едва ли не все принципиальные структуры той самой Системы, с которой они сражаются на страницах своих платформ и программ?

Кстати и о программах. Тяга к бумажному оформлению своего статуса поистине умопомрачительна. Казалось бы: свобода мысли и самовыражения найдут более адекватные формы реализации, чем бюрократическая забота о «программных документах». Оказалось: потребность «разрешить великую мысль» оборачивается у пяти-семи человек, собравшихся на частной квартире, немедленным составлением устава, заявления, обращения, кодекса и т. п., в которых за спинами всех остальных соотечественников решается судьба страны. Когда-то было сказано: дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию. Неужели опять?

Не знаю, как другие, а я, — когда вижу слова «устав», «программа», «списки», «правила приема» и тому подобные знаки сугубо формальных организаций административного толка, — перестаю понимать: почему же те, кто так охотно заимствует одиозные формы, претендует на звание неформалов? И признаюсь: чем «неформальнее» группа, обладающая привилегией иметь устав и программу, тем явственнее в ней ощутимы (подчеркиваю: говорю только о своем восприятии) тень «Катехизиса», комплекс «революционера-подпольщика». Кстати, сталкиваясь с сегодняшними представителями этого неумирающего и, видимо, вечного племени, невольно отмечаешь и традиционную претензию: сам факт прежней «подпольной» деятельности — это, в их мнении, заслуга, которая при выходе из подполья автоматически должна давать право на первые роли и главные места.

Раздраженное и озлобленное состояние ума, нетерпеливость и нетерпимость, какая-то вечно обиженная агрессивность становятся, по-видимому, печальным следствием того обстоятельства,

что первых ролей мало, а достойных претендентов много. Тут ничего не поделаешь — и хочется только сказать: «Станьте солнцем, и вас все увидят».

Подпольная психология это, однако, не только долго подавляемая и воскрешенная новыми возможностями тяга к чинам и мундирам. Это — сугубо «цеховое», в сущности сектантское отношение к своим целям, а также к средствам их достижения. А поскольку — цели ясны, задачи определены и составляют абсолютную ценность в смысле «прогресса человечества» — дозволенным становится если не все, то весьма многое. И вновь — в который уже раз — повторяются старые песни: о том, что «нам нечего терять», о том, что «мы пойдем до конца», о том, что «чем хуже, тем лучше», о том, что «лучше погибнуть, чем так жить». Эти старые песни на тему «все средства хороши» находят новых и разнообразных исполнителей: каждый на свой лад и манер пополняет оркестровку темы.

Когда-то ради денег для нелегальной партии можно было среди бела дня забросать бомбами многолюдную площадь и ограбить экипажи Государственного банка.

Сегодня ради своего престижа неформальная группа, используя благородный предлог солидарности, зазывает народ на митинг, хорошо осознавая, но не считаясь с тем обстоятельством, что результатом столкновения с властями, также готовыми на любые средства, может быть кровь и смерть.

«Предчувствие гражданской войны» — так называется одна из песен популярного рок-ансамбля. Я была свидетелем, когда люди произносили эту зловещую формулу с политическим вожделием и страстью, гордясь своим радикализмом и свободомыслием. Однако при чем тут свобода? Почему не учитывается, например, то, что я, и еще, надеюсь, многие другие, не хотят гражданской войны? В ответ на такой вопрос однажды прозвучало хрестоматийное:

Им, гагарам, недоступно
наслаждение битвой жизни,
Гром ударов их пугает.

Неужели опять все сначала?

Когда от столичного студента, после кровавой трагедии в Тбилиси, я услы-

шала слова: «И все-таки это была удачная акция; все увидели, на что способна власть», — я опознала знакомый мотив — цель оправдывает средства.

Когда от деятелей эстонского, армянского, украинского национально-освободительного движения или от русского «патриота» я слышу это кощунственное «любой ценой», я понимаю, что история действительно никого ничему не научила, и что абсолютная ценность жизни снова может быть подорвана коварным соблазном цели.

Нечего и говорить: по-прежнему анонимная и таинственная власть подает дурной пример. Если воспользоваться терминологией эпиграфа, «бесы из кресел» любыми средствами — указами, приказами, санкциями и распоряжениями — добивают хрупкое изобретение перестройки: тезис нового политического мышления о приоритете общечеловеческих ценностей. Там, на площади Руставели, в кровавое апрельское воскресенье, он, этот прекрасный и светлый идеал, взятый в основу государственного политического мышления, был грубо растоптан государственным же сапогом.

Нравственность и политика, в их обещанном и желанном соединении, теми, кто сильно «справа», воспринимается в лучшем случае как невыносимая скука и дурной каприз или как предмет для изощренного издевательства. Но так же — или почти так — он воспринимается и теми, кто резко «слева»: робкие напоминания об этичности средств вызывают гневный и возмущенный «отпор».

Когда какой-нибудь «искусствовед в штатском» инкогнито присутствует на гражданском мероприятии, а потом доносит полученную информацию до сведения своего ведомства, мы однозначно расцениваем это как проявление политического режима. Но когда наш радикал идет в стан бюрократов с магнитофоном в рукаве, а потом расшифрованную стенограмму передает для тиражирования «борцам за свободу и демократию» — это принято почему-то считать подвигом и геройством. Почему? В сущности ведь это одно и то же — разве что можно демагогически прикрыться благородством цели.

Однако я глубоко уверена: борьба за гласность и открытость общества с магнитофоном в руке заканчивается, как правило, ...магнитофоном в руке — или кукишем в кармане.

Подписывать не глядя, голосовать не слыша, проявлять всегда и во всем послушное единомыслие — это примета как будто не из наших, а из прежних нехороших времен. Но как же сегодня можно ставить свою подпись под «письмом протеста» против событий, о которых ты сам толком ничего не знаешь и даже не удосужился узнать? Все тот же страх собственного мнения, все та же болезнь быть недостаточно либеральным и прогрессивным (как раньше — недостаточно правоверным), а в общем — поразительное легкомыслие и безответственность.

Пусть простит меня читатель за частые апелляции к русской классике. Один из персонажей Достоевского утверждает: «Вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести... Русскому человеку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым «правом на «бесчестье» его скорей всего увлечь можно». Сам Достоевский при этом считал: «Надо высоко держать знамя чести...»

Грустно видеть, как охотно пользуются иные представители прогрессивной общественности «правом на бесчестье». Сколько поучительных эпизодов на эту тему содержала хотя бы минувшая предвыборная кампания. Вот «борцы за справедливость» весь день стоят с плакатами и лозунгами, выражающими протест против одного из кандидатов. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они (борцы) даже не знают, за какие именно грехи судят человека. Анонимная демонстрация протеста — лобопытная новация демократии. Или другой случай: когда предвыборная программа кандидата выглядит куда менее солидно, чем компромат, тщательно подобранный под соперника. Или третий: когда для прохождения «своих» нужно создать липовую ассоциацию — из несуществующих членом с правом их представительства на выборах. Или четвертый, пятый, шестой...

Невольно приходят на ум весьма злые стихи Максимилиана Володина:

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного —
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И Доказать
Свою способность к лжи и
преступлению.

Поэтому парламентским вождем

Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.

Политика есть дело грязное —
Ей надо

Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...

Но избиратели доселе верят

В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

Времена меняются, и у нынешнего избирателя как будто появились хорошие шансы на честное правительство. Но хочется еще и еще раз сказать: пока политика делается нечистыми руками, этот шанс минимален и будет убывать по мере накопления новых примеров.

Когда-то (ради оправдания «непарламентских» методов) было сказано: революции не делаются в белых перчатках. До сих пор — спустя десятилетия мы не можем отмыть всю грязь и кровь, разъедающие наше историческое сознание и наше бытие.

На белых одеждах перестройки уже есть кровавые брызги: Чернобыль, Сумгаит, Тбилиси. Их не отстирать, не изгладить из памяти. Если мы не хотим опять доказать миру, что наша история «перекрашивается в новые цвета только кровью», — все мы: и правые, и левые, и средние, и официалы с неформалами — должны, наконец, осознать нешуточную опасность наших увлекательных политических распрей, взвесив достоинство цели и последствия методов, определив настоящую цену головокружительным инициативам.

А иначе — мы будем вечно с волками жить и по-волчьи вить.

Если бы в семьдесят четвертом!

Несмотря на то, что статья «Жить не по лжи!» была написана пятнадцать лет назад, она потрясает своей правдой и мудростью. Наша же широкая пресса до сих пор хранит молчание. Если бы это обращение было услышано в 1974 году, я уверен, что влияние его было бы огромным, многие бы поломали свои судьбы: получили бы плохие аттестаты, бросили институты, уволились с работы, но зато страна наша не оказалась бы в таком тупике, в котором она находится сейчас. Публикация статьи А. Солженицына в те годы, когда она была написана, произвела бы эффект взрыва, расчистившего русло для свежих, молодых, правдивых сил в обществе.

Должен признаться, что я не читал А. Солженицына до вашей публикации. Не знаю, за что он снискал себе такую репутацию у нас на родине. Помню, в институте, где я учился, в 1977 (или 78-м) году исключили из комсомола, а затем и из института студентку за то, что она читала в общезнания (кто-то из «подруг» донес) книгу Солженицына, привезенную из-за рубежа. К сожалению, ни у кого не хватило тогда мужества встать на защиту той девушки, хотя многие возмущались (естественно, в своем кругу). Меня поразил тогда подход к явлению: независимо от того, разде-

ляет ли человек воззрения автора или не разделяет, а только за то, что он с этими воззрениями ознакомился, его изгоняют из учебного заведения.

Это письмо вызвано желанием, чтобы статья А. Солженицына «Жить не по лжи!» была напечатана в массовых изданиях и, в первую очередь, в журнале «Юность» и в «Литературной газете», так как это обращение в первую очередь к молодежи и интеллигенции. Независимо от того, какую позицию сейчас занимает А. Солженицын, это обращение должно дойти до нашего народа, пусть с большим спозданием.

Никогда не писал ни в какие издания, но время сейчас такое, что нужно что-то предпринимать, и есть надежда, что мое мнение окажется той крупинкой, которая перевесит чашу весов в сторону нравственно здорового и по-настоящему демократического общества.

Александр БЕГИЕВ,
г. Волжский.

Р. С. Это письмо вначале было написано для «Литературной газеты» и журнала «Юность», но затем пришло решение переписать его к вам — тем самым выразить сердечную признательность и полную солидарность с позицией вашего журнала. Большое вам спасибо!

Нужен как воздух

На своих уроках, говоря о перестройке, я всегда делю ее на два периода: 1) апрель 1985 и конец 1986 года; 2) январский 1987 г. Пленум ЦК КПСС и поныне. Перестройка-1 и перестройка-2. Они отличаются по глубине преобразований и по силе духовного подъема. Например, в первый период были немыслимы публикации Р. Медведева и А. Сахарова, отрицалось наличие в партии и обществе «остатков сталинизма» и т. д. Ученики спросили, когда же начнется перестройка-3? Мой ответ был следующим: «Когда начнем печатать Солженицына». И вот вышла публикация «Жить не по лжи!»

Думаю, что без великого писателя нельзя понять ни проблем нашей истории, ни того механизма сопротивления сталинщине-брежневщине, который был у нас, нельзя понять и сегодняшнюю идейную борьбу. Он нужен как воздух. Пусть он непривычен, спорен, пусть в

крайностях и противоречиях, пусть даже нетерпим — его страдающее сердце, высочайшая духовность необходимы для Очищения, Обновления, Свободы Слова. Я не верю, что он будет призывать к свержению советской власти.

Солженицын говорит: «Гнусность методов расплывается в гнусности результатов. Наши руки — да будут чистыми». Да, он будет критиковать, встряхивать нас, мы будем с ним не соглашаться. Но будем и наслаждаться общением со свободной личностью. А это для молодежи, интеллигенции крайне важно. Солженицына надо издавать всего, изучать досконально и глубоко. Если в этом мы струсим, то мы безнадежны, и перестройка захлебнется.

А.ЗУБЕНКО,
учитель истории,
г. Прохладный
Кабардино-Балкарской АССР.

Теперь понимаю

От имени многих людей выражаю огромную благодарность за публикацию обращения А. Солженицына. Пятнадцать лет понадобилось, чтобы «крамольный» автор был услышан народом! Для меня этот манифест явился откровением смело-

сти и правды. Теперь я понимаю, чем был вызван мутный поток брани на страницах родной прессы в адрес Солженицына.

Вячеслав СМИРНОВ,
г. Иркутск.

Слово о нравственном

Публикация обращения Александра Исаевича Солженицына «Жить не по лжи!» — это большое событие в нашей общественной жизни. Пятнадцать лет слово писателя о нашем нравственном долге и нашем нравственном выборе было под запретом, а тех немногих, кто читал и распространял его произведения, тех, кто пытался следовать его завету не участвовать во лжи, жестоко репрессировали. Но именно благодаря нравственному сопротивлению этих людей интеллигенция смогла уберечься в 1965—85 гг. от полной деградации, во многом благодаря этим людям стали возможны перемены в на-

шей жизни. И сегодня слово Солженицына нужно всем нам, оно указывает то необходимое условие, без которого невозможно наше существование.

Нас очень радует, что первая после почти 25-летнего перерыва публикация А. И. Солженицына в советской печати состоялась в таком глубоком и интересном, по-нашему мнению, журнале.

**Общественный совет
харьковского отделения
общества «Мемориал».**

Принято единогласно на заседании совета 23 марта 1989 года.

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК

Борис ПАСТЕРНАК

Ответ на вопрос журнала «Магnum»

Ваш вопрос, что такое человек, я, в меру своих понятий и возможностей, вынужден буду переделать на более скромный и односторонний вопрос, а именно, что такое для меня человек, что он для меня значит.

Я не так самонадеян и не стану утверждать, что тайны природы мне безразличны, что всю жизнь я упустил из рассмотрения образ вселенной и что изображение вселенной — картину звездного неба — не замечал. Но для меня бытие — историческое существование и человек — не житель данного места. Времена, столетия для него — страны, местность, пространство. Он житель во времени.

Я уточню. Не думайте, что я превозношу человека, наоборот. За риторическими ходулями таится пропасть, скрывается душевная пустота, все равно, будь то положительное воспеание человека («Человек — это звучит гордо») или мистические мечты о морали сверхчеловека. В обоих случаях обожествление человека ведет к тоталитарному обеднению жизни, к бесчеловечности. Но вернемся к предмету обсуждения.

Человек драматичен. Он герой действия, которое называется историей, историческим существованием. Что такое культура? (я не люблю это претенциозное слово) — спросил меня однажды гость из Швеции. Культура — плодотворное существование. Этого

определения достаточно. Дайте человеку веками плодотворно изменяться — города, государства, боги, искусство появятся сами собой как естественное следствие, как зреют на деревьях плоды. Можно пойти дальше. Что такое история? Это опись урожая, перечень результатов, список жизненных достижений.

Человек — правда и реальность, когда он знаток своего дела, если он ремесленник, крестьянин или великий, забываемый, настоящий художник, или, может быть, ученый созидательного склада, открыватель истин. Некоторые вожди социал-демократии, с одной стороны, Ницше — с другой, хотели быть поэтами, музыкантами, композиторами, но терпели неудачу. Тогда они начали все отрицать, яростно стремились завладеть всем миром. В них нашла свое крайнее выражение, так сказать, непроездившая часть европейской интеллигенции конца прошлого — начала нынешнего века. Тогда думали, предполагали, претендовали... Все было только видимостью и предположением. Какая противоположность — Гёте и Вагнер, если брать немецкие примеры — великое воплощение бытия и победы, их следы и сейчас очевидны и осязаемы и продолжают жить.

Человек достигает своей вершины, когда его физическое «я», его жизнь, его деятельность становятся «образ-

цом», символом. Если бы не было других оснований безусловной ценности отдельной личности, сказанного было бы достаточно (о символической сущности и героическом идеале), чтобы обосновать эту высшую ценность. Каждый человек, каждый в отдельности — исключение и особый случай. Ибо его совесть представляет собой целый мир. Ибо этот мир находит свое завершение в единстве идеей, в символе.

Это знали греки, это выражено в Ветхом Завете. А Новый Завет углубил это, открыв чудо самопожертвования...

При первом взгляде на сущность вашего вопроса, я подумал, что смогу по достоинству оценить мир идей Ницше. Но вновь меня оттолкнуло старое недоразумение. Его отрицание христианства держится на использовании Евангелия. Разве он не видит, откуда он взял своего сверхчеловека? Таким слепым может быть только совершенное дилетантство, дилетантство во всем. И почему все это понял бедный, менее начитанный и менее образованный Сорен Киркегор?

ОБ ИСТОРИИ ЭТОЙ СТАТЬИ

Статья «Что такое человек» была написана моим отцом осенью 1959 года и опубликована зимой того же года в журнале «Магnum», выходившем в Западной Германии в Кельне. Текст статьи — на немецком языке, для публикации по-русски нам ее пришлось перевести. Задача перевода, достаточно трудная в этом случае, требующем передачи специфики пастернаковского словаря и манеры, отчасти облегчалась тем, что в этой статье выражены очень существенные для автора мысли, в разных случаях, высказывавшиеся им в прозе и письмах.

Об истории как Царстве Божиим аналогичные мысли высказывает в романе «Доктор Живаго» Николай Веденяпин: «Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что евангелие есть ее обоснование».

О своем отношении к Ницше и его идеям Пастернак писал 29 сентября 1959 года П. Сувчинскому, жившему в Париже музыковеду и издателю, одному из лидеров движения евразийцев:

«Издательство «Магnum» в Кельне готовит к Рождеству книгу на тему Was

ist der Mensch (...) Вот и я думал ответ мой на Кельнскую тему направить в сторону какого-то разговора о Ницше, посвятить какую-то стороной его памяти, его оправданию.

Передо мной стали все те противоречия, о которых таким удивительным образом пишете сегодня Вы, Я знал об этих тупиках, но не представлял себе, как преодолимы эти препятствия. Ницше в первоисточнике я знал очень мало: Заратустра, Рождение трагедии и о пользе и вреде истории в «Несвоевременных размышлениях». Я обновил это неполное мое знакомство с помощью одного старого обзора. Среди множества камней преткновения, на которые я вновь натолкнулся, (...) два важнейших. Первое: о каком «влиянии», дурном или полезном, знания истории мог говорить этот человек, вся страсть которого была в том, что называется «культурой», то есть в творчестве и образовании? Разве история — оттенок нашего существования, воспитательно благотворный или педагогически губительный, а не облегающий нас остов, по неотменимости равный окружению вселенной? Можно ли о вселенной говорить как о частности, которую мы примем или отвергнем, в зависимости от нашей оценки. Я не люблю привнесшегося слова «культура» из языка пос-

редственности, праздного, ненародного. Но как обойтись без него. Некоторым собеседникам я сказал недавно: «Что такое — культура? Это форма меняющегося, обладающего последствиями плодотворного существования. Что такое история? Это запись плодов и урожаев, итогов и следствий этого состояния. Это было сказано на моем — английском языке, в котором хорошо и правильно только произношение. Я не представляю себе историю в виде легкой подвижности, которую мы могли бы переставлять с места на место. Что станет с Богом и человеком, если отнять историю?»

Это одно. Другое это то, что Вы назвали его христорборчеством. Как мог он не понимать того, что его сверхчеловек извлечен и почерпнут из той глубочайшей струи Евангелия, которая уживается в учении Христа рядом с другой, человеколюбиво нравоучительной его стороной, как мог он забыть, где он прочел и откуда пропитался чувством единственности и драматизма души и личности, и ее божественной жертвенности, и отчего все это так хорошо понимал более бедный и скромный Киркегор?

Так что за этот двухнедельный промежуток охладел я к своему предположению. Мое намерение неосуществимо (...)

Главное, по-моему, чем принес Ницше пользу и сослужил большую службу столетию, это то, что когда переворотами XIX века были расшатаны прочные, долгое время удерживающиеся общественные основания живого вкуса, именно Ницше, и как раз своим беспорядком, своей путаницей, своей мешаниной из проникновений и

здравомыслия, своими увлечениями и срывами, в которых столько безвкусицы, очистил вековое чутье художественно-существенного и действительно нового, заложив воспитавший нас канон всего творческого, обращенного к будущему, обнадеживающего».

«Чудо единственности и драматизма души и личности», на котором Евангелие, противопоставляющее обыкновенности исключительность и будням праздник, хочет построить жизнь, наперекор всякому принуждению», — как писал он в «Докторе Живаго», — подымая ее над «мелким гнетом человеческих обычаев и установлений».

Рассказывая нам зимой 1960 года о реакции на статью, напечатанную в журнале «Магнунт» и выразившую еще более решительное несогласие с Ницше и его философией, Пастернак удивлялся, что тем не менее Общество памяти Фр. Ницше избрало его своим почетным членом.

Называя жизнью только то, что движется, изменяется и способно к развитию и в своем плодотворном существовании естественно рождает культуры, как прямое следствие и производное, Пастернак считает опасным врываться и вмешиваться в ее ход с советами или насильем и особенно теперь, когда необходимо «самой жизни терпеливо и естественно довершить и сгладить то, что начато было насильственно и бурно». «Потому что ни одна из войн, — писал он в 1956 году, — не устраняла зла, против которого в виде предлога, она затевалась, но наоборот, укрепляла и увековечивала его».

Евгений Пастернак

Записки Маленького человека

Георгий КРЫЛОВ

Я не пытаюсь навязать вам какую-то испугительную философию, Благовествование от самого себя, я просто высказываю накипевшее в душе, рвущееся через край. Знаю, не очень получается. Хочешь говорить с открытым сердцем, истово, а выходит надуманно и вяло. Думаешь, резану правду-матку, а сам пугливо озираешься по сторонам. Как ни крути — Великая восточная держава. Ну, как сперва: «Пусть расцветут все цветы», а через год-другой: «Змеи подняли головы, пора взять палку и срубить их»... Страх?

Как же переделать эту подлую, исторически, генетически сгущенную в нас и зачастую даже не осознаваемую, принимаемую нами едва ли не за душевный комфорт трусливую импотенцию — в живую, созидательную силу? Как обрести страх сродни тому, что испытывают верующие перед Господом? «Страха в тебе нет», — так раньше на Руси совестили. Ведь если это чувство вызвано не животным утробным инстинктом, а нежеланием потерять себя, опуститься, пасть — это ли не совесть. Всякому бы из нас, сегодняшних, бояться не ошестинившейся гулаговскими вышками сталинской эпохи, не ядовитого брежневского безвременья, а чтоб именно я, именно ты — без привычного «как все, так и мы» — не полез, поверни все вспясть, в доносчики, в палачи, в дежурные сладкопевцы или в безропотную, вернонапуганную «массу», которая может быть чем угодно: белком, творцом, дерьмом, но никак не народом. «Нет народа без храма,

нет народа без Бога», — сказал русский философ. Нет народа без человека. Маленького Человека с большой буквы.

Из убеждений, чаяний, верований и нравственных исканий малых сил и складывается общая мораль. Стремление же спустить ее сверху, из кабинетного поднебесья, напоминает лов рыбы дырявой сетью: мелочь проskalьзывает с легкостью, а те, кто покрупнее (положение обязывает) остаются, запутавшись. Монополия на мораль, являющаяся привилегией замкнутой касты идеологов-жрецов, вольно или невольно порождает аморализм. Общество лишают права быть внутренне моральным; от нас не требуют, не ждут каких-то откровений, подвижничества, любви: лишь внешнее покорство, согласие, ритуальный танец верности, пусть механический и безразличный. Разница только в том, что если авторство на эту эрзац-мораль принадлежит цинику, заведомо не верящему в насаждаемую им же идею, общественное переустройство начинается с гильотин и виселиц, а если «романтику», в конце концов понимающему, что в нее и нельзя верить, — ими же заканчивается.

Приговор любому времени выносятся из того, сколь велико было его пособничество или противление в рождении духовного человека, духовного общества, из выбора между злом и добром. Нас приучили воспринимать зло в его самых примитивных проявлениях: кого-то обворовали, ударили, в общем — совершили преступление,

классифицируемое статьей Уголовного кодекса. Но принимая такую установку, разве мы уже не совершаем преступления, нравственно обкрадывая себя? Насильников, воров, мошенников среди нас меньшинство, но на этом нельзя успокоиться. Самое страшное, тотальное, всеобъемлющее и всеразлагающее зло — это отсутствие добра. В каждом из нас. Не убийце. Не подлеце. Не человеконенавистнике. В маленьком человеке, который становится большим преступником.

Мы переступили через добротолубие, долженствующее быть обязательной частью, если не основанием морали, переступили этаким маршевой колонной, чуть ли не всем обществом, сохранив его, в большинстве случаев, лишь для узкого «внутрисемейного» пользования. И это с нашими традициями! Ночлежки, приюты, богадельни, дома призрения, инвалидные команды... Мы уничтожили их, скоропалительно объявив позорным наследием, не подумав, в состоянии ли мы с такой приказной легкостью уничтожить бедность, болезнь, одиночество, не говоря уже о том, что уничтожить старость и смерть человеку просто не дано. А уничтожив, постарались затоптать, вывернуть наизнанку даже названия: меценат, благотворительность — все это стало едва ли не ругательствами. Мы превратили милостыню в раздачу наград за былые заслуги. Нищие, отверженные и гонимые были у нас до первой революции, да и сейчас — после второй — объявились, а вот какие-то год-два назад: сущий Золотой Век, Всеобщее Благоденствие — не было их. И считали мы, кто всерьез, а кто для собственного бездушного спокойствия, что лучше проситель ничего не получит в собесе, чем хоть что-то — в религиозной общине, от частного фонда, лица. А ну как накормят, обласкают, да понудят глупую старушку социализм опровергнуть?!

Станем ли мы спасать человека, застигнутого пожаром или наводнением? Станем ли мы спасать человека, если у него сгорают надежда, жизнь, если

он тонет в передрягах судьбы? Почему мы обращаемся к его трагедии тогда, когда вокруг все взрывается, горит, падает, когда война, блокада, мор, чума, глад, и старательно не замечаем тысячи драм возле себя, в нашем относительно спокойном мире? Почему где-то там, за океаном, среди компьютеров и новейших технологий, мы способны разглядеть и голодных, и бездомных, и больных, оставленных без помощи, а выключив телевизор, выходим в подъезд, лезем на чердак и рвем картонную коробку, в которой спит бомж, или, с чувством исполненного гражданского долга, вызываем милицию? И, наконец, в кои-то веки признав, что и наше общество делится на богатых и бедных, никак не спешим признать помощь нуждающимся моральной обязанностью всех обеспеченных людей. Конечно, нельзя обвинить человека в том, что он удачливее других, что он сыт, сумел обеспечить себя и своих родных, и все-таки — мы в долгу перед теми, кому не повезло, мы грешны перед ними, если мы успокоены и равнодушны. Нравственное здоровье общества определяется не тем, что может отвоевать убежденный и сильный человек, а имеет ли потеревшийся и слабый миску бесплатного супа и место в ночлежке. Причем, никто из нас не вправе переложить заботу о несчастных на каких-то энтузиастов-тимуровцев либо на тех, «кому за это платят». Рано или поздно платить будем мы все — за свое бездушие. За тех, кто буквально на наших глазах умирает каждый год от голода и холода — а их сотни! За тех, у кого судьба отняла почти все: здоровье, заработок, общение, семью, а мы не хотим дать ничего — ни веры, ни инвалидной коляски. А их сотни тысяч.

Да, неприятностей хватило в жизни каждого. Но служил ли это оправданием той озлобленности, досаде, неверию, что заполняют наши души? Жизнь делает нас злыми, однако, не следует забывать, что мы, в свою очередь, в силах сделать ее добрей. Мно-

гие сетуют, что не сумели воплотить своих талантов, возможностей — время, дескать, упущено, пора ставить на себе крест, догорать в повседневных заботах... Но почему не попытаться обрести себя вновь, обрести в добре? Не от каждого потребуешь житейной праведности, не каждому она и дана, но хоть иногда думать о других может каждый. Мы оскомины набрали, доказывая, что гений и злодейство не совместимы, однако, вместо того, чтобы ухватиться за этот первоисток гениальности, за этот величайший, единственно доступный любому из нас дар — добро, лишь поизгадили историю, понасочиняв сусальные сказочки про добродетели подлецов, которыми по «табели о рангах» полагалось сысть гениями.

Чем больше ложь, тем больше в нее верят... Полно, чем меньше верят, тем больше лгут. В том числе — самому себе. Любопытно, кто же всю эту гадость напридумывал: «Добро всегда наказуемо», «Добро должно быть с кулаками»? А почему не с автоматами Калашникова? С танками? В интернациональном или внутринациональном варианте? Мы отказались от вечного понимания добра. Слово «вечное» наша критика раньше в кавычки брала — ущербные мотивы, поповщина. Но разве добро может уподобляться куплетам на злобу дня? Выходит, вчера Нагорная проповедь, сегодня — покорная, завтра — придворная?.. Нет. Все мы, пишущие ли, говорящие, обязаны быть не версификаторами газетных передовиц и кабинетных умонастроений, а заступниками, ходатаями в бедах людских, ревнителями вечных и простых законов терпимости и добра. Но чтобы проповедь добра и само добротворчество действительно вымещали из общества разобщенность, озлобленность, бездушие, цинизм, укрепляли в нас веру и надежду, убеждая в реальности сострадания, мы уже сейчас, в начале, не должны блуждать в потемках, выискивая какие-то новые, «перестроечные» формы работы. Здесь нужна не перестройка, а реставрация, и не внешнего облика или антуража — глубинной сути, идеи.

Не следует смешивать все это с социальными программами и проектами, приоритет в которых всегда останется за государством. Благотворительность, добротворчество — это сугубо личное, частное дело. Умение ощущать чужое горе как собственное — путь индивидуального совершенствования. Именно твоя душа, твое сердце обязаны откликнуться на чью-то боль, вместить ее в себя. Попытки выработать коллективный рефлекс в подобной ситуации больше напоминают создание комиссий по рассмотрению негативных факторов социалистического общежития. Но если мы хотим подвинуться в духовном, нравственном — необходимо не рассматривать, а сострадать. Аккумулируя это чувство, обучая ему, расширяя его и развивая, мы, Бог даст, придем к тому, к чему и должны, влекомые им, прийти: к смягчению общественных нравов. Но если мы, устранившись «размывания» социализма, и здесь ударимся в насаждение строго регламентируемых организационных структур — долго нам еще жить с нашей неформальной моралью и с ее формальными, отдающими аморализмом проявлениями.

Страх? Призрак бродит по России... Трясемся в ожидании хулигана: вот как придет, вот как погонит из песочницы, все наши ведерки-совочки переломает, песочные куличики передавит — так что лучше не играть, не гулять, не жить. И вроде бы все отравители колдцев уже пойманы — чего бояться? Скромное обаяние тихой нашей революции в том, что даже те, в которых долгие годы видели инакомыслящих, врагов, подонков, шизофреников, пятую колонну, без привычных идеологических доводов в виде наручников или смиренной рубахи поняли и, в большинстве своем, приняли происходящее в стране. Не буду, разумеется, рисовать иделическую картину братания. Но чем скорее мы все вернемся к тому, что помимо разноцветной политической карты мира и пестроты воззрений и идеологий, есть одна общечеловеческая мораль, одно добро и одно зло, черное и белое, а не особые духовные ценности особого бесклассового общества, напоминавшего еще не-

давно пароход без классов, где кое-кого выпускали в виде исключения из общего трюма подышать, кое-кого — порулить, тем правильнее и быстрее мы подойдем к возрождению добротолубия, столь спасительного для нашего общества.

К великому нашему прискорбию и стыду, мы не умеем любить человека. Десятилетия нас учили любить героев. Нас заставляли преклоняться, благоговеть перед ними и, наконец, как и водится в подобных случаях, мы просто перестали в них верить, видеть в них людей. Самые расхожие, злые, а нередко и самые похабные — это анекдоты о наших героях. В них мы перестали верить, а вот любить, ценить и уважать простого человека так и не научились.

Сейчас много говорят о покаянии. Однако покаяние это не только признание греха — это его искупление. И я хочу надеяться, что все мы наконец услышим... Нет, не чей-то голос с трибуны, а свой, услышим то, что должен слышать каждый и что почти каждый, по тем или иным причинам, долгие годы стремился подавить в себе, заглушить — услышим голос свой совести. Я надеюсь, что все мы нако-

нец увидим то, что режет глаза и от чего мы обычно отворачивались. Что мы избавимся от гигантомании, обещаний спасти весь мир сразу и протянем руку ближнему, так нуждающемуся в нашей доброте. И не потому, что он был когда-то чем-то знаменит, что он пережил многое, что недоступно нам, что у него какое-то особое, легендарное прошлое — а просто потому, что он слабее, беднее и несчастнее нас. Я надеюсь на то, что мы поймем — добро не может быть продуктом энтузиазма или Указа от такого-то года: рано или поздно энтузиазм иссякнет, бумага с параграфом окажется в архиве либо в мусорной корзине, а с нами иссякнет, истлеет то, что считалось добром. Здесь необходимо почувствованное понимание того, что творя дела добрые, ты, прежде всего, помогаешь себе — кто-то всего лишь обопрется о твою руку, ты же, что куда больше, на свое сердце и душу. Ты, маленький и слабый, вдруг станешь большим и сильным. Ты увидишь, что вокруг тебя вертится целая вселенная — чья-то боль, надежда, едва теплящаяся жизнь.

г. Ленинград

МИР — ПЕРЕСТРОЙКА —

Впервые за свою историю советское движение за мир официально представлено в высшем эшелоне законодательной власти СССР. Народными депутатами, избранными объединенным пленумом Советского комитета защиты мира и Ассоциации содействия ООН в СССР стали: Анатолий Ананьев, Генрих Боровик, Мария Карпенко, Евгений Мешалкин, Патриарх Пимен. Публикуемый ниже документ пленума очерчивает круг как перспективных, так и неотложных задач, порученных им миротворческой общественностью нашей страны.

Наказ народным депутатам СССР от движения за мир, объединяемого Советским комитетом защиты мира и Ассоциацией содействия ООН в СССР

В соответствии с целями и задачами советского движения за мир, избранные от него народные депутаты СССР должны инициативно и последовательно выражать в высшем законодательном органе страны волю широких слоев советской общественности по вопросам войны и мира в полном объеме этого многогранного понятия. Им поручается обеспечить реальный вклад советского движения за мир в разработку и принятие важнейших решений по проблемам внутренней и внешней политики и в осуществлении демократического контроля за их претворением в жизнь.

Всеми формами и средствами депутатской деятельности содействовать развитию и углублению процессов перестройки и демократизации общественно-политической жизни, строительству правового государства, надежному обеспечению гражданских прав и свобод каждого советского человека.

В сфере внешнеполитической деятельности:

— участвовать в создании конституционно-правового механизма демократи-

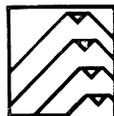
ческого контроля за деятельностью государственных учреждений в этой области на принципах гласности и с участием общественности;

— выступить с предложением о создании в Верховном Совете СССР комиссий по вопросам обороны и внешней политики;

— оказывать всемерную поддержку инициативам, направленным на дальнейшее развитие и углубление процессов разрядки и разоружения, радикальной перестройки международных отношений на принципах нового политического мышления;

— добиваться адекватного сокращения вооруженных сил, вооружений и военных расходов до уровня разумной достаточности, добиваться полной гласности в вопросах формирования военного бюджета, расходов на военную и другие виды помощи зарубежным странам;

— при обсуждении глобальных внешнеполитических проблем всемерно содействовать реализации курса на повышение роли ООН как уникального инструмента, объединяющего уси-

ЧЕЛОВЕК

лия международного сообщества для решения актуальных общечеловеческих проблем;

- поддерживать все усилия, направленные на мирное политическое урегулирование конфликтных ситуаций в различных регионах мира;

- поставить вопрос о введении нового одностороннего моратория на все ядерные взрывы, добиваться полного запрещения ядерных испытаний всеми странами и ликвидации ядерных полигонов;

- выступить с инициативой создания специальной депутатской комиссии по планомерному переводу военного производства на выпуск продукции для народного хозяйства;

- добиваться эффективного взаимодействия, снятия всех административных ограничений и запретов на контакты и обмена между людьми разных стран;

В сфере внутривнутриполитической деятельности:

- считать первостепенной задачей заботу о мире в нашем собственном доме, добиваться утверждения норм равноправия между нациями и национальностями СССР, взаимного уважения национальных интересов, достоинства, культурного наследия, языка и традиций;

- добиваться приведения советского законодательства в области прав человека в соответствие с международно-признанными принципами и обязательствами СССР по международным соглашениям в этой области, в частности, вытекающие из Итогового документа Венской встречи;

- принимать действительное участие в разработке закона об общественных организациях, совершенствовании законодательства о выборах народных депутатов от общественных организаций;

- добиваться утверждения во всей системе народного образования СССР воспитания молодого поколения в духе мира, гуманизма и общечеловеческих ценностей;

- добиваться дальнейших мер по защите интересов и улучшению соци-

альных условий для ветеранов и жертв Великой Отечественной войны, бывших воинов-интернационалистов, семей погибших;

- добиваться создания в стране эффективной системы помощи жертвам катастроф и стихийных бедствий, в частности, посредством использования в этих целях сил и средств гражданской обороны.

С целью защиты жизни и природы:

- добиваться принятия мероприятий по оздоровлению экологической обстановки во всех регионах СССР, создания депутатской комиссии по охране природы, составление медико-экологических карт условий страны;

- добиваться полной гласности о последствиях ядерных испытаний, создания специальной депутатской комиссии по контролю за захоронением ядерных отходов, активно выступать за разработку и внедрение мер по повышению безопасности ядерной энергетики, поиск и внедрение альтернативных источников энергии;

- добиваться осуществления мер по обеспечению безопасности химической и других отраслей промышленности, рациональному использованию земельных и водных ресурсов, содействовать международному сотрудничеству в области охраны окружающей среды и создания экологически безопасных технологий в народном хозяйстве;

- добиваться полной гласности в вопросах, связанных с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, эффективной помощи государственных и общественных организаций лицам, пострадавшим в связи с этой аварией.

* * *

Народные депутаты СССР должны активно участвовать в решении всех злободневных проблем советского общества; осуществлении реформы хозяйственного механизма, решении производственной проблемы, защите интересов материнства и детства, повышении жизненного уровня советских людей.

Пленум выражает уверенность, что избранные депутаты будут достойно представлять в высшем законодательном органе СССР советское движение за мир и желает им всяческих успехов в их работе.

ПОЛЬСКИЙ КОЛЛАЖ

Андрей ФАДИН

Неладно что-то в Датском королевстве...

О, как же ты велика, Дания!

Станислав Ежи ЛЕЦ

Лет десять назад мой тогдашний учитель, прочтя изданный на Западе сборник эссе своего польского ровесника, опального философа и эмигранта Лешка Колаковского «Похвала непоследовательности», произнес непонятую мной тогда фразу: «Я испытываю зависть русского к поляку». Чему можно было завидовать? Исторической судьбе поляков, по которой каток истории прокатывался с удручающей регулярностью при каждом европейском катаклизме? Двум векам унижительного для нации раздела и мучительного безгосударственного существования? Беззащитности положения меж германским молотом и российской наковальней? Или, может быть, некоему недоступному для нас **европеизму** польской культуры? Открытости польского культурного пространства на Запад?

Вскоре грянул взрыв августа 1980. Слова «Гданьск», «Солидарность», «забастовка» стали в тогдашней московской интеллигентской семье чем-то столь же своим как анекдоты «про Брежнева», а имена Валенсы, Михника, Куроня, Лиса или Онышкевича превратились в пароль неконформизма. Вновь, как и в 1968, на соседей смотрели со смутными ощущениями зависти, страха и восхищения. Неужели эти поляки смогут то, чего не смог никто до них, — бескровно демонтировать бесчеловечную систему постсталинизма, доказать народный характер всякого законного суверенитета?..

Между тем, из Белоруссии друзья привозили дурные известия: железные дороги забиты составами с военной техникой, владеющих польским языком при-

зывали на длительные военные сборы... Все это уже было слишком хорошо знакомо — люди постарше вспоминали 1968-й, а мое поколение вообще не нуждается в воспоминаниях: только что «ограниченный контингент» въехал в Афганистан, началась самая длинная и бесславная война в нашей истории. Но неужели опять? Всем было ясно, что поляки, даже те, кто не сочувствовал «Солидарности», будут драться — даже в совершенно безнадежной ситуации. С другой стороны, было очевидно, что «брежневская команда» не может допустить победы оппозиции. Трагедия, казалось, надвигается стремительно и неотвратимо.

(Потом многие поляки будут доказывать, что «они не решились бы», что интервенция была невозможна, что она была бы безумием... Увы, традиция безумных, иррациональных решений верховной власти столь глубоко укоренена в нашей истории, что их оптимизм выглядит просто наивным).

Как бы то ни было, декабрь 1981 года круто изменил все. Танки оказались на улицах польских городов, но это были польские танки. На смену гражданскому миру пришла гражданская борьба со всем ее ожесточением: обыски, задержания, избиения. Пролилась кровь...

Для поляков настали трудные времена. Но тех, кто внимательно наблюдал этот социальный спазм отсюда, из России, поражала в польских делах одна характерная черта: при всем глубочайшем расколе общества, при всей внешней непримиримости противостоящих сторон ожесточение не переросло в

озверение, гражданская борьба — в гражданскую войну, жестокий конфликт шел до победы, а не до уничтожения одной из сторон. Кровь пролилась, но не вызвала страшной и столь нам знакомой раскрутки взаимной эскалации насилия. В отношении глубины раскола общества и остроты конфликта это была «малая кровь».

Конечно, рассуждать о «малой крови» в уютной московской квартире и видеть воочию забрызганные кровью аудитории Вроцлавского Политехникума — это далеко не одно и то же. Но ведь необходимо и такой взгляд «со стороны», который неминуемо разойдется с представлениями непосредственных участников драмы. В этом неловко сознаваться, но я думаю, что многие из нас восприняли установление военного положения с тайным облегчением: «Пусть поляки разбираются сами, нас там не будет!» Сочувствие к польской драме накладывалось на подсознательное ощущение избавления нас самих от трагедии, еще одного «Афгана», на этот раз в Европе, избавления от несмываемого национального позора.

Как чувствует внешний мир средний советский человек? Что он должен чувствовать, когда попадает туда впервые? Трудно объяснить это иностранцу, да, пожалуй, и себе тоже. Откуда это волнение при первом походе в ОВИР, при получении загранпаспорта, при приближении к границе? Откуда это: «Не кажи «гоп», не переехав Чоп»?

Трезво посмотрев, нетрудно, кажется понять, что контакт с внешним миром, «выезд» в закрытом тоталитарном обществе десятилетиями был одной из самых престижных и изысканных привелегий, наградой за безусловную лояльность власти и безукоризненную анкету. «Выехал» — значит ты свой для властей разного уровня (начиная от своего партсекретаря и директора и кончая неведомыми чинами «компетентных органов»). Страх, что «не пустят», — не только от огорчения несостоявшегося свидания с миром, но и опасение оказаться «не своим» для «них».

И вот я, человек «с биографией» в российском смысле слова (т. е. явно сознательно «не свой»), наконец, впервые пересекаю границы богоспасаемого отечества. Я-то чего волнуюсь?! Может, от приближающегося свидания с Польшей? Или из-за странного ощущения неизвестно откуда взявшейся свободы?

Сто пятьдесят лет назад де Кюстин описал, как веселятся в пограничном трактире отъезжающие русские и как грустны возвращающиеся на родину. Может, те, кто выезжал полтора года назад, испытывали то же: отрыв от жестокого взгляда контролирующего и диктующего тебе общества? Может, отсюда их веселье?

Есть для россиянина в польской жизни нечто неизъяснимо притягательное. Это «нечто» невозможно сформулировать, хотя ясно, что притягивает обычно то, чего нет у тебя. Как это называется? Когда переезжаешь через Бут, то на советском берегу видишь много рядов колючей проволоки, прожектора и прочие пограничные прелести. На польском берегу — ничего. Многозначительный символ...

Ухоженные поля, аккуратные двух-трехэтажные домики, велосипедисты на переездах, скромно одетые люди на полустанках — сельская Польша из окна международного вагона. Совсем не богато, скорее наоборот. Но нет и нашей сельской разрухи. Люди на своей земле, у своих домов...

Мрачный подземный перрон Центрального вокзала в Варшаве — нечто среднее между метро и бомбоубежищем. На выходе в город вздрагиваешь при виде Дворца науки и культуры — сталинский «зиккурат» типа чудовищных московских «высоток», подарок Варшаве от «старшего брата». Толпа на трамвайной остановке. Все как у нас? Все, да не все.

Вот два милиционера с дубинками не оборачиваясь проходят мимо неряшливо замазанных надписей в подземном переходе. Надписи гласят: «Солидарность», «Ярузельский должен уйти!» Прохожие не оглядываясь проскакивают мимо. Зримый образ глубочайшего рас-

кола общества и... быстрой адаптации к нему простого чековика. В газетных киосках за стеклом — портреты Пилсудского. В книжном магазине — огромный отдел религиозной литературы. Везде — фотографии папы, цитаты из папы, упоминания о папе. Если есть сегодня в Польше чей-то культ — то это, без сомнения, культ святого отца. Истовость католицизма многих собеседников производит впечатление политической позиции. Это легко понять: костел мощно противостоит любым претензиям государства расширить сферу контроля над жизнью людей.

Побродив по Варшаве понимаешь, почему в Польше так и не удалось вырастить тоталитарного двойника сталинского монстра: поляки отстояли (и не забудем — кровью и страданиями) две главных основы своего национального бытия — независимого крестьянина с его землей и независимый костел. Кесарь мог покуситься на богово (и неоднократно делал это), но это каждый раз было сопряжено для него с огромным риском, ибо народ не взирал безучастно... Костел — экстерриториален в прямом и переносном смысле. Это — крепость духовная и организационная, вход в него милиции невозможно вообразить, как у нас, увы, невозможно вообразить обратного. Внутренняя сторона ограды костела Св. Станислава в Варшаве, где покоится прах убитого польскими «гебешниками» ксендза Попелюшка — это настоящая «стена демократии». Лозунги «Солидарности», обращения к убиенному и к папе, заверения в любви к Богу... У входа на территорию несколько пожилых прихожан с повязками — «чтобы не было провокации»...

Подземная «часовня Солидарности» в ново-гутском костеле: настенные росписи соединяют библейские сюжеты с легко узнаваемыми образами вождей независимого профсоюза... Вряд ли можно найти более красноречивую иллюстрацию роли костела и религиозного сознания в социально-политической жизни страны.

Ожесточение велико, раскол глубок, столько обид и несправедливостей накопилось за десятилетия госсocialизма, что как смогут сосуществовать общество и государство в этой стране — со-

вершенно неясно. Но поразительно, человек не ощущает себя одиноким и беззащитным перед властью. Сложность и организованность связей в польском обществе, наличие множества различных организационных, культурных сообществ, наличие множества социальных структур, в которые включена личность, делает ее положение принципиально иным, нежели в нашей традиции. Общество не атомизировано. Никто не остается один на один с Левиафаном, всегда находится группа, организация, структура, которая подставит плечо, проявит солидарность. Но за солидарность и помощь надо платить лояльностью — так возникает плотная ткань общественных связей.

Ее преимущества по сравнению с привычной нашей беззащитностью перед государством ощущаешь мгновенно. Уровень страха — несопоставимо ниже, а личного достоинства и уверенности — несравнимо выше, чем у нас. Польша и при военном положении оставалась самой духовно свободной среди стран общей исторической судьбы (а ведь госсocialизм — это именно судьба; с ней можно спорить, пытаться изменить, но уйти?..).

Не сразу видишь оборотную сторону этой плотной общественной солидарности — ее не афишируют. Но она есть. В условиях острого противостояния общества и государства, власти и оппозиции просто не остается места для глубокой и беспощадной критики «своих». У многих вольнодумцев в Польше есть в чем упрекнуть костел. Но кто из них решится высказать их вслух? «Мы понимаем, кому мы обязаны своей нынешней свободой, — отвечает редактор независимого варшавского журнала. — К тому же, читатели не поймут и не примут такой критики». В его словах не приходится сомневаться, ведь подавляющее большинство граждан убеждено, что хорошим поляком может быть лишь добрый католик. Как же должен чувствовать себя, к примеру, атеист?

Есть и другая сторона: как критиковать Адама Михника или Яцека Курона, если их не печатают, а против них используется весь арсенал официальной пропаганды? Ситуация мучительная для всех...

Устойчивость социальных связей — вот вызывающее восхищение качество польской жизни, качество, утраченное нами давно и едва ли не безвозвратно. Ни политические бури, ни социальные катаклизмы не разрушают здесь эту систему связей до конца. Отсюда и непонятное для нас соблюдение неких неписанных правил обеими сторонами конфликта, уровень толерантности, который советскому обществу, к несчастью, вряд ли будет доступен — по крайней мере, в ближайшем будущем. Когда ретивые молодчики из СБ «в порядке инициативы» забили насмерть ксендза Попелюшко, верховная власть отреагировала быстро и решительно — убийцы были сурово наказаны. Практически все арестованные с введением военного положения были выпущены по амнистии к 40-летию ПНР. (Для сравнения можно напомнить, что за все время существования Советского государства амнистии политических «зеков» у нас не проводилось ни разу). Нельзя сказать, чтобы Польша жила совсем без насилия: и на улицах во время демонстраций, и на заводах во время забастовок вспышки насилия периодически вспыхивают, конечно же, ибо легального «механизма торга и компромисса», юридической процедуры разрешения конфликта не существует. Но в сознании самого польского общества закономерность конфликта как формы социальной жизни уже давно незыблема. В Польше вряд ли можно найти людей, которые, как авторы писем в наши центральные газеты, предлагали бы расправляться с зачинщиками забастовок как с агентами иностранных разведок...

И все же плотность социальной ткани польского общества имеет и оборотную сторону. Безусловная лояльность к тем, кто тебе помог и защитил, почти автоматически означает безусловную враждебность к «тем, кто наверху», к тем, кто у власти или вместе с властью. Длительная поляризация, переходящая в традицию, на деле означает не только политический пат, но и глухой социально-экономический тупик. Победить в полном смысле, т. е. навязать свой вариант решения проблем страны, ни власть, ни оппозиция не могут, каждая из сторон, в соответствии с красивой,

но роковой польской традицией может наложить фактическое «вето» на действия другой стороны. Между тем, проблемы не ждут, страна медленно, но неуклонно погружается в пучину экономического распада: инфляция больше 100% в год, 40 млрд. долл. внешнего долга, хронический товарный голод... Больше всех страдают, как всегда, «живущие на одну зарплату» — повышения хронически отстают от роста цен...

Обыденное сознание оппозиционной интеллигенции часто поражает особого рода мифологичностью: «Проблемы тяжелы, и «красным» их ни за что не решить. Но вот если бы мы пришли к власти, они разрешились бы сами собой. Запад завалил бы нас кредитами, мы бы быстро нашли свое место в Европе...» Подобные рассуждения могла бы увенчать фраза Валенсы, сказанная еще на гребне революционной волны 1980—1981 гг. — «Мы превратим Польшу во вторую Японию» (теперь, правда, об этой фразе не вспоминают...)

С другой стороны, давление проблем на повседневную жизнь столь стремительно нарастает, что идеологические конструкции обеих сторон конфликта прогибаются, а кое-где уже и обрушиваются. Власть не сможет решить ни одной жизненно важной проблемы без оппозиции — в этом сегодня убеждено подавляющее большинство поляков. Но и оппозиция не может уже сделать ничего больше, не соучаствуя во власти. «Мы достигли цели, которую ставили перед собой в середине 70-х годов, — говорит один из основателей КОС-КОР, едва ли не самый знаменитый интеллектуал «Солидарности» Яцек Куронь. Мы создали институционализованную структуру гражданского общества, мы расширили рамки свободы, мы издаем сотни независимых изданий и имеем «вольные университеты»... Но мы бессильны решать проблемы страны, мы не можем ни проложить новую железную дорогу, ни направить деньги на жилье или в сельское хозяйство». Морально-политическая дилемма оппозиции не столь проста, как может показаться, ведь между нею и властью — несколько десятилетий преследований, игнорирования, лжи и клеветы. Между ними, наконец, и кровь... Решиться переступить

через это ради будущего нации — шаг, требующий большого гражданского мужества, чем, положим, идти в тюрьму, блюдя идеологическую девственность своей непримиримости. ...Выбор этот по-человечески безумно труден. В декабре 1981 года во Вроцлавском Политехникуме должен был состояться политический форум всех партий, групп, организаций, действующих на его территории. «Военный переворот», проходивший во Вроцлаве драматично, с кровью, прервал намечавшийся диалог. И вот, семь лет спустя, форум, наконец, состоялся.

«Как можно вести диалог с партией, которая захватила и удерживает власть силой оружия» — говорит уважаемый доцент, лидер местной «Солидарности». — Пока монополия власти у вас — компромисс невозможен. Мы ничего не забыли и не простили, но... компромисс — необходим, ибо без него нам только два пути, стрелять или эмигрировать...». Подобный вывод на фоне воспоминаний о жестоких декабрьских днях 1981-го дает представление о глубокой внутренней драме оппозиции — ведь жертвы и лишения имеют свою власть над общественной психикой. «Мы попросту приговорены к национальному согласию...» — сформулировал Валенса. Не менее драматический выбор стоял и перед властью: ведь сам факт диалога, само стремление к компромиссу означал легализацию того плюрализма, который считался все эти десятилетия вынужденным и временным. Не случайно в рядах партийных функционеров сама идея компромисса вызвала столь яростное сопротивление.

Но в рядах ПОРП — люди, сформированные польским обществом, польской политической культурой, и помимо властных привилегий и идеологических конструкций они руководствуются общим польским стремлением к гражданскому миру. Ибо без него накопленный динамит идеологических противоречий разнесет в прах если не всю страну, то уж наверняка — достигнутый с таким трудом уровень жизни. А ведь в нем-то заинтересованы и «красные» и «белые» — так удачно (в отличие от реальной истории) сосуществующие в цветах национального флага...

...Быть коммунистом в Польше сегодня очень трудно. Психологически трудно. Наш друг из сторонников «Солидарности» говорит: «У нас партия — это профсоюз людей, обладающих властью, границы партии слились с границами госаппарата». Смотрю статистику: нет, не совсем так, 38 процентов членов ПОРП — рабочие, 12,6 процентов рабочих — члены ПОРП. Уж они-то вряд ли много имеют от своего членства... В то же время слова «солидариста» отражают идеологический и этический императив общественного мнения: коммунист должен нести ответственность за все действия власти, коль скоро его партия практически единолично держит эту власть.

Все однако сложнее: для многих членство в партии — не только возможность влиять на власть, но и семейная традиция. Поэтому-то в «Солидарности» было много рабочих-коммунистов: они не были согласны со «своей» властью, но не хотели порывать и со «своей» традицией...

* * *

Идея внутреннего мира, национально-го примирения, высшей, надпартийной ценности и значимости гражданского согласия — вот признак, который бродит сегодня по дорогам Восточной и Центральной Европы. И хотя сама Россия, как часто бывало в ее истории, все еще уступает сегодня в органичности строя своей внутренней жизни многим своим соседям, ее роль в обретении ими этой органичности представляется несомненной.

Какое отношение к России ожидает встретить российский интеллигент в Польше? Первое ожидание — антирусский национализм, русофобия. И повидимости, это ожидание оправдывается. Едва ли не первый вопрос мыслящего поляка к россиянину: когда рухнет империя? Другой поворот: ведет ли перестройка к демонтажу империи — или к ее модернизации?

Но чего не было раньше — появился раскаленный интерес к самой России, к нашим внутренним делам. Фоном идет одна мысль: «От вашего успеха зависит и наша судьба». (Как сложна и иронична история. Еще в 1981, когда у нас ничего не происходило, мы то же самое думали о поляках — успех «Со-

лидарности» виделся залогом конца брежневского безвременья...)

Встреча с Куронем и Михником... Эти, по официальной терминологии, «антикоммунисты» спорят друг с другом, кто больше читает советских газет и журналов. Выясняется, что меньше всех читаю я. Сравнивают советские и польские издания: «У вас лучше, вы ни на кого **вне себя** не оглядываетесь, а наши оглядываются на вас». Увы, не совсем так. Будь иначе, по-другому бы освещалась и печальная годовщина августа 1968... Мы **скованы одной цепью**, принадлежим одной **исторической судьбе**, от этого не убежать, не спрятаться. Впрочем, как заметил великий афорист Станислав Ежи Лец, все кандалы мира составляют одну цепь. Эту тайну общей судьбы осознал уже романтический XIX век — Пушкин, Мицкевич, Герцен. «За вашу и нашу свободу!» — горело на знамени польского восстания 1863 года. Но долго, очень долго, путь этих простых слов в наши сердца был завален кровью, обидами, имперскими химерами. Когда зимой 1981 года в одной теплой московской компании я поднял пост «за поляков», мой визави, рабочий парень с авиационного завода, пить отказался: «Там шестьсот тысяч наших заковано, а они теперь бунтуют, отделаться (!) хотят». Нельзя забывать и о мрачной силе мифов имперского сознания, воспринимающих (и до сих пор) своей любую землю, на которой погибал советский солдат.

Много переменилось за эти несколько лет. Мы ли повзрослели, Афганистан ли промыл глаза кровью пополам с острым песком позора, но сегодня редко услышишь у нас сожаления о том, что рушится имперская крепость. Впрочем, есть и другое объяснение: **внешние** проблемы пришли к нам в дом и стали для нас проблемами **внутренними**, и войска приходится посылать уже не «на помощь» соседям, а к самим себе. — «Чужую беду руками разведу», — говорят русские. Помочь самим себе гораздо труднее...

И все же время прекрасных слов старого повстанческого знамени настало, наконец, по-настоящему. **Общественные** процессы на двух полюсах славянского исторического мира пришли —

быть может, впервые в новой истории! — в некий **резонанс**, приобрели взаимодерживающую силу, Надолго ли? Этого не знает никто... Но тем преступнее упускать шанс. Правда, не все так просто. Если в среде высоколобой интеллигенции — явная волна русофилии, то традиционалистская почва, как всегда, блюдет «заветы старины». Чем ближе к этой почве, тем жестче власть исторического стереотипа: «Россия — враг, угроза, опасность». Не иссяк в этом традиционалистском наследии и антисемитизм... (Встречаются порою в этой среде и просто поразительные суждения. Например: не надо полякам бояться русского национализма, ибо он является союзником против потенциально более опасных национализмов украинского, белорусского, литовского...). Но все же главное ощущение: **перестройка** в СССР разблокировала тупики национальной конфронтации в Польше и, быть может, шансов на **внутренний мир** у поляков много больше, чем у нас. Почему?

В этом неплохо бы разобраться.

* * *

Развитой гражданский мир означает, конечно, не просто отсутствие резни и тирании. Это есть некое состояние общества, при котором целое не подавляет ни одну из своих частей, а сами части находятся друг с другом в постоянном многостороннем диалоге, **полилоге**. Собственно, общественный полилог и есть главный механизм и системообразующая характеристика гражданского мира. Именно полилог позволяет выявить расхождения и **границы консенсуса**, без которого мир невозможен. Стоит приглядеться к польскому «круглому столу», на котором были представлены все основные силы страны: границы консенсуса проходили по линии признания исторических реалий и необходимости их реформировать.

Однако неперенным условием такого полилога является наличие именно **различных** организационных субъектов, выражающих интересы и мнения различных групп. Лишь при наличии подобных субъектов можно говорить об организованном общественном мнении и запускать процесс компромиссов.

У поляков с этим все в порядке: костел, со своей светской инфраструктурой, «Солидарность», ПОРП, официальные профсоюзы, десятки политических и сотни культурных сообществ — это готовые субъекты диалога, оргструктура общественного мнения страны. У нас же ситуация прямо противоположная. Подавляющее большинство населения СССР все живет в ситуации организационно-политической пустыни, и как только взрывообразно возросшая социальная активность перестала вливаться в склеротические русла официальных организационных каналов, стало ясно, что подобное положение чревато катастрофой. Ни в Моршанске, ни в Алапаевске (где произошли социальные взрывы с насилием и кровью) не было никаких «неформалов-подстрекателей», там не оказалось ни «народного фронта», ни «Демсоюза», ни комитета «Карабах». Некого было запугивать, соблазнять, не с кем вести переговоры — лишь разъяренная, неуправляемая толпа, «русский

бунт, бессмысленный и беспощадный», против которого остается лишь одно средство. Но оно едва ли лучше самой болезни.

Так то, что все десятилетия госсocialизма (да и до него) казалось **удобством** для деинтеллектуализированного управления, оборачивается кризисом самих основ социальности, угрозой «войны всех против всех». С этой точки зрения, тот организационный взрыв, приведший к образованию тысяч разного рода неформальных объединений — это не что иное, как проявление советским обществом элементарного **инстинкта выживания**. И напротив, рефлекторная защита тотальной монополии власти со стороны наиболее заскорузлой, консервативной части аппарата чревата страшными потрясениями для всего социума, включая и структуру власти.

Признак гражданского мира пересек и наши границы, но на наших дорогах он то и дело сталкивается с признаками Новочеркасска, Сумгаита, Алапаевска.

Итоговый документ Венской встречи Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе пригласил общественность «наблюдать за осуществлением и способствовать выполнению положений документов СБСЕ и присоединяться к другим с этой целью». Это приглашение услышано. По всей стране возникают соответствующие группы, инициатива перерастает в движение. Общественный совет «Вена» при редакции «Век XX и мир» намерен информировать читателей нашего журнала о деятельности и проблемах этого движения.

К гражданскому миру

Подписание Венских соглашений может стать переломным моментом в отношениях между государственной властью и независимыми общественными правозащитными и иными социальными движениями. Впервые независимые правозащитные группы и движения приобретают в нашей стране легальный статус, уходит в прошлое дух взаимной ненависти и гражданской войны между обществом и государством, между властями и правозащитниками. Необходимо сделать все, чтобы процесс возвращения нашей страны в широкий и открытый мир сопровождалось восстановлением гражданского мира в ней самой. Ответственность за это ложится

и на власти, и на независимые общественные движения.

Исходя из этого, клуб «Демократическая перестройка» принял решение об образовании секции Общественного совета «Вена» по наблюдению за соблюдением венских договоренностей.

Мы приглашаем все правозащитные группы и организации, как официальные, так и неформальные, сотрудничать в благородном деле защиты прав человека.

**Совет клуба
«Демократическая перестройка»,
14 марта 1989 года.**

Под общественный контроль

15 января 1989 года в Вене представителями государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — подписан Итоговый документ. Венские договоренности представляют собой целостную политико-правовую концепцию новых путей общеевропейского сотрудничества, в том числе — по соблюдению и защите прав человека и основных свобод. В очередной раз нашей страной подписан международно-правовой документ, обязывающий уважать права человека. Но впервые создаются условия для реального выполнения требований международно-правовых норм. 24 января с. г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление, в котором, в частности, говорится: «Руководствуясь тем, что Венские договоренности действуют с момента их принятия, рекомендовано соответствующим министерствам и ведомствам незамедлительно приступить к их осуществлению».

Учитывая то, что предыдущие международные договоренности по правам человека во многом остались для советских граждан лишь благими пожеланиями, мы ощущаем тревогу за судьбу Венских соглашений. Необходим общественный контроль. Целью этого контроля должно являться всемерное содействие усилиям государ-

ства по приведению законодательства и административной практики в соответствие с принципами и положениями Венских договоренностей.

Считаем необходимым создать в Ленинграде «Венский комитет» по наблюдению за выполнением Итогового документа. В намерениях «Венского комитета» способствовать личному участию граждан в создании социалистического правового общества; информировать государственные учреждения и широкую общественность о нарушениях принципов и положений Венских договоренностей; направлять усилия на укрепление доверия между странами и народами. Мы будем искренне и всемерно поддерживать важнейшее концептуальное положение Итогового документа Венской встречи — «содействие развитию экономических, социальных, культурных прав, так же, как и гражданских и политических прав, имеет первостепенное значение для человеческого достоинства».

**Елена ЗЕЛИНСКАЯ,
Нина КАТЕРЛИ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Виктор МОНАХОВ,
Андрей ЦЕХАНОВИЧ.**

15 марта 1989 г.,
г. Ленинград.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ ■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

